

союзников о ходе этих переговоров. Одушевленный желанием привлечь Румынию на нашу сторону, я готов отнестись очень внимательно к справедливым ее притязаниям, но надеюсь найти у наших союзников твердую поддержку при отклонении тех из румынских требований, которые явятся для нас неприемлемыми.

С а з о н о в.

72.

**Телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне,
посланнику в Бухаресте.**

20 апреля (3 мая) 1915 г., № 2040.

Сегодня я впервые виделся с Диаманди, который наметил следующие земельные приращения, которые Румыния желала бы получить за выступление вместе с нами против Австро-Венгрии: Буковину до Прута, Трансильванию, Банат до Тиссы и часть Венгрии по линии от Сегедина до слияния Самоша с Тиссой и далее по Карпатам до Буковины. Я ответил, что подобные притязания неприемлемы, так как мы не можем согласиться ни на отдачу под власть Румынии русского населения Буковины и Угорщины, ни на допущение румын к самому Белграду, для которого они могут стать не меньшей угрозой, нежели до сих пор были австрийцы. На этом пока кончился наш первый разговор, носивший, впрочем, вполне дружелюбный оттенок.

С а з о н о в.

73.

**Секретная телеграмма верховного главнокомандующего товарищу
министра иностранных дел Нератову.**

20 апреля (3 мая) 1915 г., № 211.

Не имея известий из министерства иностранных дел о том, что привез Диаманди, я, основываясь на частных сведениях, которые гласят о каких-то чрезмерных требованиях Румынии и ее кичливом тоне, считаю нужным высказать министру иностранных дел свой взгляд с военной точки зрения. Выступление Италии дает нам такой существенный плюс, что выступление Румынии получает второстепенное значение. Вследствие этого я считаю, что надо ей дать понять, что ее выступление может быть допущено, но что, очевидно, ее вождедения чрезмерны и совершенно неприемлемы. Раз Румыния свое предложение о выступлении сделала даже позже подписания договора с Италией, то следует этим воспользоваться для исправления будущей границы за-Карпатской Руси, Буковины и Венгрии и в полном согласовании со стратегическими основаниями, изложенными в моей записке, имеющейся в министерстве. Глубоко уверен, что при твердости, вполне оправдываемой обстановкой, Румыния будет вынуждена самим ходом дел примкнуть к нам, удовлетворяясь тем, что мы ей дадим, тем более, что, насколько мне известно, Англия и Франция своих требований не предъявят, а всецело поддержат наши.

Генерал-адъютант Н и к о л а й.

74.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 апреля (4 мая) 1915 г., № 261.

Братиано сегодня заявил здешнему французскому посланнику, что если мы не согласимся дать Румынии линию Прута и Тиссы до Сегедина, то Румыния не примет участия в войне, и никакая сила в мире не заставит Братиано согласиться на активное выступление его отечества. Он прибавил, что, в случае принятия румынских требований, он готов обещать выступить около 15 мая старого стиля.

Лично думаю, что румынское правительство пойдет на уступки в Угорщине и, вероятно, согласится оставить сербам небольшую полосу Баната, вдоль Дуная, для обеспечения обороны Белграда. Я также склонен думать, что непримиримость Братиано поддерживается в нем и королем, который в душе не может сочувствовать выступлению Румынии и, повидимому, старается его отсрочить. Кроме того, несомненно, что здешнее общественное мнение будет приветствовать согласие наше на линию Прута, как компенсацию за Берлинский трактат, и будет склонно, по крайней мере теперь, смотреть на реку Прут, как на окончательную границу между Россией и Румынией. В виду вышеизложенного, я опасаясь, что в вопросе о Пруте общественное мнение станет на сторону Братиано и что неуспех нынешних переговоров сделает искреннюю кооперацию обоих государств во время нынешней войны чрезвычайно трудной, а это в свою очередь может предрешить в неблагоприятном смысле и их будущие отношения, по заключении мира.

Поклевский.

75.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

22 апреля (5 мая) 1915 г., № 2083.

Ваша телеграмма № 261 получена.

О принятии нами линии Прута речи быть не может. Разграничение Буковины должно быть произведено, как было условлено 18 сентября, на основании этнографического начала с допущением лишь поправок путем взаимного обмена небольшими участками для лучшего очертания границы. Русское население Угорщины также не может быть отдано Румынии. В Банате нельзя согласиться на удовлетворение тех притязаний румын, которые явно нарушают законные интересы сербов. Поэтому, если Братиано будет настаивать на означенных неприемлемых требованиях, нам не удастся прийти к соглашению, тем более, что Франция и Англия вполне разделяют наши взгляды, а с военной точки зрения верховный главнокомандующий уже не придает теперь румынскому выступлению прежнего значения. Вышеизложенное передается вам не для передачи Братиано, а для вашего личного руководства в беседах с ним.

Сазонов.

76.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

24 апреля (7 мая) 1915 г., № 2126.

По имеющимся сведениям, Титтони телеграфировал в Рим и сказал румынскому посланнику в Париже, будто Делькассе считает справедливым, чтобы Россия сделала Румынии уступки в Буковине взамен уступок, которые Румыния могла бы сделать Сербии в Банате. Сомневаюсь, чтобы Делькассе действительно мог высказаться в этом смысле, так как французскому правительству известно, что в Буковине Россия ничего другого не требует, как возможно полного проведения этнографического начала, и что поэтому нельзя говорить о каких-либо уступках в этой области. Между тем утверждения Титтони способны вызвать в Бухаресте надежду добиться при поддержке Франции значительных приращений в Буковине за счет русской народности. Поэтому желательно, чтобы Делькассе при первой возможности рассеял создавшееся словами Титтони впечатление, которое может лишь укрепить Братиано в его упорстве.

С а з о н о в.

77.

Секретная телеграмма посла в Париже.

26 апреля (9 мая) 1915 г., № 300.

Получил № 2126.

Ознакомил с ее содержанием Делькассе, который сказал мне самым положительным образом, что он никогда и ни перед кем не высказывался в указанном здешним итальянским послом смысле и что он не преминет сделать все, чтобы рассеять создавшееся вследствие слов Титтони впечатление. Вам, впрочем, известно содержание инструкций, данных им французскому посланнику в Бухаресте. По последним полученным оттуда известиям, Братиано громко жалуется на недостаток поддержки со стороны Франции, что служит лучшим опровержением уверений Титтони.

И з в о л ь с к и й.

78.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

19 апреля (12 мая) 1915 г., № 274.

Костинеско выразил мне сегодня глубокое свое разочарование по поводу нежелания русского правительства отдать Румынии Черновцы, с которыми Румынию связывает историческое и национальное прошлое и где имеет пребывание румынский митрополит. По его мнению, желая быть справедливым, границу можно было бы провести от Бессарабии, по Пруту и вслед за Черновцами, оставляя этот город Румынии, повести

ее на юго-запад, предоставляя России проживающих здесь подле границы Галиции русин. Вышеизложенное Костинеско высказал исчерпывающе, как личное свое мнение.

Поклевский.

79.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

30 апреля (13 мая) 1915 г., № 277.

Получил ваш № 2204.

Братиано никаких признаков уступчивости не проявляет и третьяжды вновь повторил французскому посланнику, что Румыния не выступит, если ей не будут гарантированы просимые ею границы. До меня дошло сведение, что императорское правительство желало бы предоставить дистрикт Торонталья Сербии и провести границу в Буковине между Серетом и Сучавой. Позволю себе высказать мое откровенное мнение, что подобное наше контр-предложение сделает выступление Румынии невозможным и может даже вызвать в здешнем общественном мнении антирусские чувства, а потому, если мы не придаем значения военной кооперации Румынии, то нам лучше было бы в общих выражениях отклонить румынские требования, признав их неприемлемыми. С другой стороны, если бы мы предоставили Сербии лишь прилегающий к Дунаю и населенный сербами Панчевский дистрикт или одну треть Торонтальского дистрикта и согласились провести границу в Буковине приблизительно, как предлагал Костинеско, то положение Братиано сделалось бы весьма трудным, так как мы имели бы на нашей стороне всех здешних благоразумных государственных деятелей и общественное мнение, и много шансов за то, что нам удалось бы тогда сломить упорство Братиано. Во всяком случае возможно скорый ответ крайне желателен.

Поклевский.

80.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

1 (14) мая 1915 г., № 2231.

Текст памятной записки от 1 мая, которая должна быть вручена румынскому правительству ¹⁾.

«По распоряжению своего правительства румынский посланник в Петрограде заявил министру иностранных дел о том, что, желая присоединиться к России и ее союзницам, Румыния готова выступить против Австро-Венгрии, как только державы гарантируют ей приобретение желательных для нее австро-венгерских территорий.

Г. Сазонов принял это заявление с искренним удовлетворением, потому что всегда считал, что тесное единение между Россией и Румы-

¹⁾ Перевод с французского.

нией вполне отвечает интересам обоих соседних государств и что сотрудничество русской и румынской армий должно, как нельзя лучше, укрепить связывающие оба народа узы дружбы. Он определенно сказал при этом Диаманди, что Россия и союзники ценят высказанные Румынией намерения и не преминут, с своей стороны, проявить доброжелательное отношение к желанию румынского народа присоединить к королевству живущих в Австро-Венгрии единоплеменников.

Впрочем, Румыния уже имела доказательства добрых чувств со стороны Франции и Англии, — первая помогает ей вооружаться, а вторая предоставила ей заем на лондонском рынке. Россия, с своей стороны, проявила свое дружеское расположение, подписав с Румынией 18 сентября (1 октября) 1914 г. соглашение ¹⁾, коим устанавливался принцип, на основании которого должно быть урегулировано аннексирование договаривавшимися державами австро-венгерских территорий.

Придерживаясь этого соглашения, в силу которого разграничение вышеупомянутых территорий должно основываться на принципе этнографического большинства, императорское правительство считает нужным наметить следующую линию, которая за исключением некоторых мелких поправок могла бы в общем определить будущие приобретения Румынии.

Исходя от нынешней границы Румынии близ Ботушаницы, линия эта доходила бы к северу от Гадика до Сучавы, следовала бы затем вверх по течению этой реки до Шипота, откуда прошла бы почти прямо до настоящей границы Трансильвании к югу от Барзы. Следуя дальше вдоль этой границы до Гуттика, демаркационная линия направилась бы затем к западу, проходя немного южнее Над-Бании и затем, дойдя до Самеша, пошла бы прямо к северо-западу на Тиссу—Ужлак; затем вдоль этой Тиссы до Вазараса-Намени. Отсюда будущая граница Румынии шла бы по линии, указанной г. Диаманди в записке, которую он вручил г. Сазонову, т.-е. до впадения Мароша в Тиссу. Оттуда она должна была бы пройти по Марошу приблизительно до Печки, а затем направиться на юго-восток, оставив Темешвар и Белую-Церковь в Сербии, и достигнув затем близ Базиаса Дуная, спуститься по этой реке до нынешней границы Румынии.

Проведенная таким образом линия охватывает обширную территорию, в состав которой входят все местности, где румынское население составляет большинство, и даже, сверх того, некоторые части, населенные преимущественно другими национальностями, которые, тем не менее, державы готовы включить в предназначенную Румынии часть, для того, чтобы придать границе более удобные очертания.

Г. Сазонов надеется, что румынский народ, в котором так развито национальное чувство, с своей стороны, лучше, чем кто-либо другой, поймет, что Россия и Сербия нравственно обязаны оставить за собой территорию, где их соплеменники составляют большинство населения, как это имеет место в южной Буковине и в западном Банате.

Англия, Франция и Россия единомышленны в своем стремлении возможно скорее прийти к соглашению с румынским правительством на указанных основаниях и желают доказать одушевляющее их стремление сговориться,

¹⁾ См. стр. 167.

имея в виду готовность Румынии к скорому сотрудничеству, ожидать которого после того, что говорил г. Диаманди, они хотят в самом ближайшем будущем».

С а з о н о в ¹⁾.

81

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

1 (14) мая 1915 г., № 2235.

Сообщается в Париж и Лондон.

За № 2231 вам сообщается текст памятной записки от сего числа, которую благоволите передать румынскому правительству в ответ на сделанные им здесь через Диаманди предложения. Как вы увидите, несмотря на почти ультимативный оттенок румынских требований, признанных нами и нашими союзниками совершенно неприемлемыми, ответ наш составлен в дружественных выражениях и примирительном духе. Предлагаемое нами разграничение отдает Румынии не только все земли с преобладающим румынским населением, но и значительные области, населенные почти сплошь венгерцами, сербами и отчасти даже русскими. Военное сотрудничество Румынии было бы несомненно встречено у нас с удовольствием, и я попрежнему придаю значение налажению между Россией и Румынией прочных добрососедских отношений, но нельзя требовать, чтобы мы для этого пожертвовали своими соплеменниками и справедливыми чаяниями союзного нам сербского народа только потому, что Братиано вздумалось широко очертить вожделения Румынии, которая еще недавно и не мечтала о подобных приращениях. Образ действий Братиано начинает внушать подозрение, что он нарочно предъявляет заведомо неприемлемые требования, чтобы сделать соглашение с нами невозможным и уклониться от войны, свалив вину за неуспех переговоров на нас. Если это предположение подтвердится, нам не остается ничего другого, как огласить то, что мы были готовы предоставить Румынии, дабы общественное мнение страны решило, прав ли был Братиано, чрезмерной притязательностью оттолкнув державы и помешав осуществлению румынских народных пожеланий.

С а з о н о в.

82.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

5 (18 мая) 1915 г., № 286.

Получил ваш № 2231.

Я мог только сегодня утром передать Братиано изложенную в вышеупомянутой телеграмме памятную записку, содержание коей произвело на него крайне удручающее впечатление. Во время продолжительного, вполне дружелюбного, разговора Братиано высказал следующие соображения. Предложенная нами граница отнимает у Румынии

¹⁾ Памятная записка была вручена Поклевским председателю румынского совета министров Братиано 5 (18) мая 1915 г.

чуть не более половины исконной румынской Буковины, и, санкционируя значительные земельные приращения к румынскому королевству, она все-таки не дает прочного размежевания между Румынией и Сербией и гарантии для спокойного существования будущей Румынии между ее двумя славянскими соседками. При этом наши новые владения в Буковине берут в тиски часть Молдавии, что породит у румын страх за их собственную нынешнюю территорию. Вообще, Братиано считает, что наш ответ как бы подтверждает мнение наших здешних недоброжелателей о том, что румынские государственные интересы приносятся нами всегда в жертву самому незначительному славянскому интересу, и усилит уже существующую здесь боязнь охвата Румынии славянскими государствами. Братиано сказал, что при этих условиях он лично доложит королю, что он не может взять на себя ответственность за объявление теперь же войны Австрии и что он предполагает со временем оккупировать австро-венгерские провинции с румынским населением, как то предоставлено Румынии соглашением ее с нами от прошлого сентября. Я заметил на это, что упомянутое соглашение заключено им лично без ведома короля, и нами без ведома наших союзников, что оно, вообще, носит чисто переходный характер к соглашению о военной кооперации и что только последнее может дать Румынии полные и совершенно бесспорные гарантии для осуществления и закрепления за Румынией ее национального идеала. Братиано выразил тут мнение, что, если бы не лояльность его по отношению к нам и не желание вести переговоры на два фронта, то весьма возможно, что оккупирование румынских провинций Австро-Венгрии могло бы состояться даже без войны с Австрией и Германией. Я указал также Братиано, что мы и наши союзники имели полное право рассчитывать на немедленное и без всяких новых условий активное выступление Румынии, и потому здешние теперь столь чрезмерные притязания, вполне естественно, произвели на нас самое тягостное впечатление и возбудили даже сомнение относительно искренности желания Румынии принять участие в войне. Лично от себя я позволил себе добавить, что представление Братиано более умеренных контр-предложений во всяком случае рассеяло бы указанное сомнение и могло бы этим создать более благоприятную обстановку для обеспечения румынских пожеланий. Мои слова произвели на Братиано некоторое впечатление, и он стал горячо уверять меня в своем искреннем желании принять немедленное участие в общей войне, если ему удастся обеспечить спокойное существование будущей Румынии, и выражал лишь недоумение по поводу того, чем мы можем поступить в своих требованиях, когда лишь полное их осуществление действительно гарантирует интересы Румынии. В заключение он просил передать вашему высокопревосходительству его частный ответ, что наша памятная записка его ошеломила, но что он не может отступить от двух выставленных им условий. В течение разговора у Братиано промелькнула мысль, что он имел в виду вернуть Болгарии Добрич и что он мог бы отдать ей и Балчик, если бы Сербия, сохранив Монастырь, отказалась от своих притязаний в Банате. Братиано думает, что в случае выступления Румынии Болгария должна бы последовать ее примеру и удовольствуется тогда, вероятно, линией Вардара. Кроме того, Братиано

высказывал мне готовность, если весь Банат будет отдан Румынии, обязаться не укреплять лежащего против Белграда побережья Дуная. Точно не могу сказать, но думаю, что Братиано даст нам также и официальный ответ.

Поклевский.

83.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

6 (19) мая 1915 г., № 2320.

Сообщается в Париж и Лондон.

По поручению Делькассе, французский посол спросил меня, нельзя ли найти среднее решение между крайними требованиями румын и моим ответным предложением. При этом Палеолог указал на линию Серета в Буковине и на возможность уступки румынам северо-восточной части Торонтальского округа в Банате. Я ответил, что после моих недавних предложений слово теперь за Братиано, но что, если последний сделает мне новое предложение в намеченном смысле, я готов буду вновь доказать нашу сговорчивость и принять примирительное решение на указанной почве. Я подчеркнул однако, что непременно условием такой уступки с моей стороны будет выступление Румынии не позднее 13-го (26-го) мая.

Благоволите руководствоваться вышеизложенным в ваших переговорах с Братиано.

Сазонов.

84.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

6 (19) мая 1915 г., № 2321.

Ссылаюсь на мою телеграмму Поклевскому № 2320.

Указывая на особенное значение выступления Румынии при сложившейся ныне обстановке в Галиции и на Карпатах, Палеолог просил меня принять подсказанное Делькассе примирительное решение, согласно которому Румыния получила бы Буковину по Серет и северо-восточную часть Торонтальского округа в Банате. Чтобы снять с себя перед союзниками всякую ответственность за возможный неуспех переговоров с Румынией, я согласился на это предложение на указанных в моей телеграмме Поклевскому условиях. Было бы желательно однако, чтобы французы облегчили наше положение в Галиции усилением начатого ими наступления на их восточной границе.

Сазонов.

85.

Секретная телеграмма посла в Париже.

8 (21) мая 1915 г., № 326.

Получил ваши №№ 2320 и 2321.

Сообщил их содержание Делькассе, который подтвердил мне, что он уже предписал французскому посланнику самым энергичным образом воздействовать на румынское правительство, дабы склонить его к при-

нятию ваших условий. Он уже раз сказал мне, что считает эти условия крайне умеренными и справедливыми и надеется, что Грэй и Соннино также энергично поддержат их в Бухаресте. Что касается заключительной части вашей телеграммы № 2321, Делькассе сказал мне, что, как вам должно быть известно, генерал Жоффри уже начал энергичное наступление, увенчавшееся весьма чувствительными успехами; одним из последствий этого наступления явилось возвращение на здешний театр двух германских дивизий, направленных на наш фронт; по достоверным сведениям, германцы присылают сюда значительные подкрепления, хотя неизвестно, берут ли они их с нашего фронта или из числа новых формирований. За последние дни военные операции затихли, вследствие крайне неблагоприятной погоды, но, как только условия эти улучшатся, генерал Жоффри намерен самым энергичным образом продолжать наступление, задуманное им в широких размерах.

И з в о л ь с к и й.

86.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

9 (22) мая 1915 г., № 291.

Получил вашу телеграмму 2320.

По поручению своего правительства здешний французский посланник сообщил сегодня Братиано, что, если румынское правительство выкажет большую примирительность в переговорах, то оно может рассчитывать на значительное улучшение границы будущей Румынии в Буковине и Банате; при этом Блондель приблизительно указал на *(пропуск)* вашим высокопревосходительством уступки. Братиано ответил, что лишь границы Прута, Тиссы и Дуная могут обеспечить будущее спокойное существование Румынии и что поэтому он не может отказаться от этих условий. Считаю долгом доложить, что Братиано конфиденциально ознакомил главных деятелей оппозиции с содержанием нашего официального ответа на румынские предложения и что все эти лица находят невозможным на этих условиях вести агитацию за немедленное выступление Румынии и выражают лишь надежду, что нами не сказано еще последнее слово. Вчера и сегодня в некоторых здешних газетах появились уже статьи о ведущихся ныне в Петрограде переговорах, при чем нам приписывается неуступчивость, которая комментируется в довольно враждебном тоне. Мои коллеги и я принимаем возможные меры воздействия на прессу, дабы помешать появлению подобных статей в румынских независимых органах печати, и широко знакомим главных общественных деятелей с готовностью России пойти в широких размерах навстречу румынским пожеланиям.

П о к л е в с к и й.

87.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

30 мая (12 июня) 1915 г., № 326.

Согласно указаниям вашего высокопревосходительства, я постарался проверить сегодня у Братиано заявление Диаманди о том, что

Румыния готова выступить против Австро-Венгрии через несколько дней по заключении соглашения с нами. Братиано ответил, что вслед за принятием нами его условий Румыния будет готова к немедленному выступлению, но что, как он уже указал мне 18 прошлого апреля, — моя телеграмма № 251, — точный момент такового будет установлен военной конвенцией, которая должна также определять способ кооперации наших и румынских войск и обеспечить Румынию военными припасами. Я возразил, что такая постановка вопроса ставит момент выступления Румынии в зависимость не от нынешних, а от будущих переговоров между военными, что подобные переговоры едва ли могут быть даже начаты ранее, чем срок выступления Румынии будет точно определен, и что это, наконец, противоречит не только действиям Диаманди и словам, сказанным мне третьего дня самим Братиано, но и заверениям королевы, изложенным в письме к государю императору. В конце концов Братиано заявил, что он не может точно определить срок для объявления войны Австро-Венгрии, не посоветовавшись предварительно со здешними военными, и что, если ему и удастся определить такой срок, то он по необходимости должен быть максимальным в смысле отсрочки, между тем как предоставление решения этого вопроса военной конвенции повело бы, по его мнению, к более скорому выступлению Румынии. Во всяком случае он обещал дать ответ в будущую среду. Я на этом закончил свой разговор с Братиано, ни одним словом не намекнув ему на возможность каких-либо дальнейших уступок с нашей стороны. Что касается до других здешних политических деятелей, то некоторые из них находят, что нынешний момент особенно опасен для выступления Румынии в виду нашего отступления в Галиции и из Северной Буковины, что будто бы делает ныне кооперацию наших и румынских войск невозможной. Другие жалуются на вялость и угнетенное настроение общественного мнения, так что едва ли можно теперь же рассчитывать на их успешное воздействие на Братиано.

Поклевский.

88.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

5 (18) июня 1915 г., № 339.

№ 1. Ссылаюсь на мои телеграммы № № 326 и 337.

Ответ Братиано передается мной в телеграмме № 2, с текстом коей я его ознакомил, и он с ним согласился. Несмотря на продолжительное и довольно бурное объяснение, мне не удалось добиться от Братиано большего в смысле сокращения срока для выступления Румынии, и он лишь в конце концов отказался от некоторых двусмысленных фраз, которые еще более затемнили смысл его предложения, исходящего, вообще, из предположения, что все румынские предложения могут быть нами приняты. Братиано ставит строжайшую тайну непременным условием дальнейших переговоров и просит, чтобы, в случае принятия Румынией срока для ее выступления и начала переговоров с нами по военной конвенции, об этих обстоятельствах был осведомлен в Бухаресте, кроме него, лишь я. Не зная, как

отнесется императорское правительство к ответу Братиано, я не считал себя в праве давать ему какие-либо указания на возможность дальнейших с нашей стороны уступок, но я вновь настаивал, хотя и безуспешно, на неприемлемости его требований в Буковине, Угорщине и Торонтале.

Мои французский, великобританский и итальянский коллеги, так же, как и я, не имеем вполне твердой уверенности в Братиано, а потому нам крайне трудно высказаться за тот или другой способ действий в настоящую минуту. В принципе нам кажется, что если союзные державы допускают возможность принятия всех румынских требований, то нам следовало бы в таком случае сделать это немедленно, обязав взамен этого Румынию выступить чрез пять недель со дня названного предложения и сейчас же начать переговоры о военной конвенции. Если удовлетворение всех румынских требований невозможно, то мы могли бы сделать Румынии предложение, которое заключало бы:

1) максимум допускаемых нами уступок, дальше которых мы ни в каком случае не пойдем;

2) срок для выступления Румынии;

3) обещание по мере возможности снабдить Румынию военными припасами и другими предметами, в коих она может нуждаться.

Мы тоже думаем, что наши уступки должны включать принятие линии Костинеско в Буковине и отдачу сербам лишь площади в несколько десятков километров к северу от Дуная и в Торонтале. Относительно последнего, может-быть, даже лучшим решением было бы предоставление последующему арбитражу размежевания между Румынией и Сербией указанной спорной полосы этого дистрикта, при чем будущие обладатели этой территории должны обязаться ее не укреплять и не содержать в ней гарнизонов.

Считаю долгом добавить, что, по имеющимся у меня сведениям, румынские военные эксперты не находят выступление Румынии при нынешних обстоятельствах невозможным, но, по их мнению, концентрация и мобилизация войск должны делаться постепенно и весьма секретно, так что Румынии для начала военных действий нужен срок минимум в пять недель.

Поклевский.

89.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте ¹⁾.

5 (18) июня 1915 г., № 340.

№ 2. Г. Братиано заявил, что он готов принять определенное обязательство начать военные действия против Австро-Венгрии не позднее, как через два месяца после подписания политического соглашения между державами и Румынией. Перед выступлением Румынии между нею и Россией должна быть заключена военная конвенция, имеющая установить наиболее действительное сотрудничество русских и румынских войск соответственно тому, каково будет положение дел на театре

¹⁾ Перевод с французского.
Царская Россия.

военных действий к моменту выступления Румынии; этой же конвенцией должна по мере возможности обеспечиваться последней помощь со стороны союзных держав в деле поставки и доставки Румынии военных припасов, в которых она может нуждаться. По моей просьбе, г. Братиано определенно сказал, что выработка условий конвенции ни в коем случае не задержит выступления Румынии. В ответ на мои возражения по поводу столь отдаленного срока выступления Румынии г. Братиано заявил, что он готов принять во внимание следующее предложение, которое державы могли бы ему сделать. Если выше-названные державы примут все политические требования румынского правительства с условием, чтобы Румыния выступила через пять недель после того, как это предложение будет сделано, г. Братиано выражает готовность тотчас начать переговоры в целях заключения вышеупомянутой военной конвенции и надеется, что Румыния будет в состоянии выступить в желательный державам срок: если бы, однако, последнего не случилось, то само собой разумеется уступки, на которые условно согласились державы, утратили бы свою силу и значение.

Поклевский.

90.

Секретная телеграмма начальника штаба верховного главнокомандующего.

7 (20) июня 1915 г., № 285.

Ссылаюсь на телеграммы Поклевского за № № 339 и 340.

Принимая во внимание настоящую военную обстановку, не могущую измениться к лучшему в близком будущем, считаю очень важным не отклонять предложений Братиано. Действительное военное выступление Румынии было бы, конечно, наиболее ценным сейчас же, но, так как это не достижимо, то можно, с военной точки зрения, примириться и с ее выступлением через пять недель, ибо самый благоприятный момент для ее кооперации уже прошел. Теперь же самое важное не упускать момента для закрепления Румынии в нашем лагере, так как переход ее в лагерь противника, в случае возможного нашего отступления из Галиции, несомненен. Для достижения этого, по моему убеждению, мы можем принять все политические условия, поставленные Братиано, при чем предложенный в телеграмме № 339 способ ведения переговоров представляется вполне целесообразным, а именно, согласившись немедленно на политические условия Румынии, обязать ее взамен выступить через не позже пяти недель со дня названного предложения и сейчас же начать переговоры о военной конвенции. В общем, образ действий окажется тождественным с тем, какой был принят в переговорах с Италией. К сему прибавлю следующие соображения частного военного характера:

1) Желательно, тотчас по заключении политического соглашения, чтобы Румыния безусловно закрыла свою границу для транзита военных грузов в Турцию. Это возможно, сохраняя до поры до времени в тайне состоявшееся соглашение.

2) Относительно Баната: надо выговорить для Сербии необходимую для защиты Белграда зону.

С военной точки зрения важнее, чтобы пространство, выговариваемое для Сербии, было меньше (но не менее 20 верст шириною), но с правом укрепления, чем наоборот.

3) Относительно военного снабжения надо ясно установить, что мы можем обещать Румынии продовольствие, лошадей, скот и т. п., но не снаряды, пушки, ружья и т. п., в которых сами нуждаемся. Это могли бы обещать и союзники.

Я н у ш к е в и ч.

91.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

10 (23) июня 1915 г., № 352.

Получил № 2945.

В ответ на сделанное мной, в соответствии с полученными указаниями, предложение, Братиано выразил глубокую радость по поводу предоставления Румынии Буковины по Пруту с городом Черновцами. На проведение будущей границы в Мармарошском комитете по течению реки Тиссы он согласен. Что касается Баната, то Братиано, несмотря на все мои убеждения, попрежнему находит совершенно необходимым для будущего спокойного существования Румынии отмежевание ее границами рек Дуная и Тиссы. Он готов ввести в лежащую против Белграда часть Торонтальского дистрикта специальный нейтральный режим, может даже выкупить принадлежащие сербам на этой территории земли, но он убежден, что выступление Румынии при нынешних тяжелых и увеличивающих риск условиях заслуживает особого вознаграждения. Братиано при этом отметил, что многие другие румынские политические деятели являлись горячими сторонниками более раннего выступления Румынии, но что теперь многие из них угнетены событиями в Галиции, между тем как на него отступление наших войск не производит особенного впечатления, и он лишь заботится о надлежащем обеспечении будущего существования румын. Братиано заверил меня также, что он готов обязаться выступить через пять недель со дня заключения между нами политического соглашения, но мне не удалось убедить его считать этот срок с 10-го июня. В конце разговора Братиано просил у меня 24 часа, т. е. до пятницы утром, на размышление для окончательного ответа относительно Баната. Из всего разговора я должен однако вывести заключение, что в этом вопросе он едва ли уступит.

П о к л е в с к и й.

92.

Секретная телеграмма посла в Париже.

14 (27) июня 1915 г., № 393.

Я нашел сегодня Делькассе крайне удрученным последними известиями из Бухареста, по которым Братиано продолжает ставить выступление Румынии — и то лишь в пятидневный срок — в зависимость

от удовлетворения в полном объеме ее территориальных претензий на Буковину и на Банат. Делькассе еще не знает, как к этому относиться в Лондоне и, в особенности, в Петрограде. Что касается до него, то, если бы Россия и Англия согласились на румынские требования, он, со своей стороны, не имел бы против них возражений. «Но, — присовокупил он, — необходимо принять во внимание чувства горечи и разочарования, вызванные в Сербии решением союзников относительно Македонии и, в особенности, тем, что ей даже не было сообщено с точностью о предназначенных ей компенсациях. По мнению Делькассе, если союзники, дабы заручиться военной помощью Румынии, согласятся на ее требования, следовало бы поставить Сербию в известность о том, что она не только получит Боснию, Герцеговину и такую-то часть Далматинского побережья, но также, что союзники не будут возражать против того, чтобы сербы осуществили мысль о Великой Сербии посредством слияния Хорватии с сербским королевством. Если указанным путем удастся заручиться выступлением Румынии, а за ней, вероятно, и Болгарии, то вслед за сим необходимо тщательно согласовать планы военных действий всех союзников, дабы в полной мере использовать их численное превосходство и заставить противников разделить свои силы.

Продолжение следует.

И в о л ь с к и й.

93.

Секретная телеграмма посла в Париже.

16 (29) июня 1915 г., № 394.

Продолжение моего № 393.

Хотя в разговоре со мной Делькассе тщательно воздержался от какой бы то ни было критики по нашему адресу или попытки повлиять на наше решение, я не мог не заметить, что затяжка наших переговоров с Румынией возбуждает в нем крайнее беспокойство. Оборот, принятый военными событиями как в Галиции, так и на здешнем театре, вызывает здесь весьма нервное настроение. Начавшееся больше месяца тому назад наступательное движение французской армии, несмотря на упорный характер борьбы и на громадные потери, до сих пор увенчалось лишь частичными успехами, и здесь начинают сомневаться в возможности, путем фронтальной атаки, пробить германские линии и отбросить неприятеля за пределы Франции. Возникает опасение второй зимней кампании в траншеях или переброски сюда с восточного фронта крупных германских сил и массового наступления на Калэ или на Париж. Спасения здесь продолжают ожидать от флангового движения Италии и Румынии, выступлению коих поэтому придется чрезвычайное значение. В правительственных кругах до сих пор не проявляется малодушия или усталости, но в общественном настроении уже наблюдаются некоторые тревожные симптомы, с которыми необходимо считаться. Вторая зимняя кампания в траншеях или неприятельское вторжение могут вызвать здесь припадок отчаяния и внутренние волнения. Хотя Делькассе и его товарищи открыто

этого не высказывают, для меня ясно, что они разделяют мнение парламентских кругов, что при нынешних обстоятельствах военные соображения должны иметь решительное значение и что поэтому содействие Румынии должно быть куплено какой бы то ни было ценой.

На все вышеизложенное считаю своей обязанностью обратить серьезнейшее ваше внимание, ибо, в случае окончательного неуспеха переговоров с Румынией и возможного неблагоприятного оборота событий на здешнем театре, французское общественное мнение не преминет возложить на нас ответственность за таковой оборот.

И з в о л ь с к и й.

94.

Телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Риме.

17 (30) июня 1915 г., № 3102.

Сообщается в Лондон.

Для привлечения Румынии Россия решилась согласиться на все требования румын в Буковине, под условием выступления Румынии не позже, чем через пять недель со дня соответствующего заявления в Бухаресте, сделанного 10 июня старого стиля. Братиано, соглашаясь, в свою очередь, на некоторые уступки в Угорщине, продолжает настаивать на получении всего Баната и готов обещать выступить только через пять недель по заключении политического соглашения. При этом он выставляет новое требование о немедленной доставке в Румынию, до ее выступления, заказанных во Франции и Италии боевых припасов. Прежде чем обсуждать вопрос о Банате, благоволите выяснить отношение французского и итальянского правительств к означенному требованию Братиано, ибо я не могу ответить на него без надлежащего полномочия Франции (Италии).

С а з о н о в.

95.

Секретная телеграмма посланника в Софии.

23 июня (6 июля) 1915 г., № 385.

Копия в Бухарест.

Вернувшийся в понедельник после трехнедельного пребывания в Бухаресте румынский посланник сейчас же зашел ко мне и сказал, что Братиано поручил ему передать мне, что переговоры наши с Румынией накануне благополучного завершения, после чего последует военное соглашение и скорое совместное с нами выступление Румынии. Он даже определил приблизительный двухмесячный срок, необходимый для пополнения наших военных припасов, прибавив, однако, что, если военные соображения того позволят, то Румыния выступит и раньше. Де-Русси сказал, что в менее подробной форме ему поручено сделать подобное же заявление и другим посланникам Согласия. По его словам, Братиано хочет во всем следовать примеру Италии и до момента мобилизации будет не только скрывать свое

решение, но принужден будет быть-может для отвода-мол глаз, вести переговоры с австро-немцами, что не должно-де нас смущать. Считаю долгом сообщить вам этот разговор, не зная, в каком истинном положении находятся наши переговоры с Румынией.

Савинский.

96.

Секретная телеграмма посла в Париже.

25 июня (8 июля) 1915 г., № 414.

Копии в Лондон и Рим.

Делькассе сказал мне, что им получено вчера согласие лондонского кабинета на предоставление Румынии всего Баната, при чем оба полагают, взамен этой уступки, обещать Сербии Землин с необходимою для стратегического обеспечения Белграда полосой. Таким образом, Братиано получает удовлетворение всех выставленных им требований и должен будет окончательно раскрыть свои карты. Пуанкаре считает, что сейчас все усилия должны быть направлены к скорейшему подписанию соглашения с Румынией, выступление которой может вовлечь и Болгарию.

Извольский.

97.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Лондоне.

27 июня (10 июля) 1915 г., № 3304.

Румынское правительство намерено на-днях просить Англию о новом займе. Считаю желательным, чтобы великобританское правительство использовало это обстоятельство к общей выгоде союзников для побуждения Румынии к ускорению своего выступления.

Сазонов.

98.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

27 июня (10 июля) 1915 г., № 3303.

По соглашению с Францией и Англией, решено полностью удовлетворить требования Братиано, а именно, уступить Румынии Буковину по Прут, Угорщину по Тиссу и весь Банат, под неперемным условием, чтобы Румыния обязалась: 1) выступить против Австро-Венгрии не позже, чем через пять недель со дня подписания политического соглашения, 2) ныне же строжайше воспрепятствовать пропуску каких бы то ни было военных припасов в Турцию, 3) уступить Болгарии Добрич и Бальчик и 4) в Банате не укреплять имеющего быть определенным впоследствии пространства против Белграда, не содержать там войск иначе, как определенного количества вооруженной силы для полицейской службы, и, уплачивая вознаграждение сербам, которые пожела-ли бы

выселиться, предоставить остальным свободное развитие с сохранением своего языка и народности. В случае соглашения по этим главным предметам, державы готовы удовлетворить выраженные Братиано пожелания и в отношении военного снабжения.

Благоволите переговорить в указанном смысле с Братиано и обратить его внимание на то, что державы, решившиеся на столь крупные уступки Румынии, в праве требовать немедленного и положительного ответа, чтобы соглашение могло быть точно выработано и подписано через несколько дней. Всякие новые попытки Братиано затянуть переговоры после того, как все его требования получили удовлетворение, явятся доказательством его неискренности и заставят державы взять назад делаемые ныне уступки.

С а з о н о в.

99.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме, посланнику в Бухаресте.

1 (14) июля 1915 г., № 3369.

Так как становится все яснее, что при нынешних обстоятельствах Румыния ни за какие уступки не согласится выступить против Австро-Венгрии в определенный срок, считаю предпочтительным, прежде чем сделать в Бухаресте предположенное заявление о согласии держав на уступку Баната, дружественно запросить Братиано, готов ли он, вообще, установить срок выступления Румынии, если все до сих пор выставленные им требования будут удовлетворены державами.

До получения отзыва союзников по сему вопросу, благоволите воздержаться от исполнения поручения, заключавшегося в моей телеграмме № 3303.

С а з о н о в.

100.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

21 июля (2 августа) 1915 г., № 3756.

Сообщается в Париж, Лондон, Рим.

Вследствие настояний наших союзников, которые надеются путем немедленного заключения договора с Румынией оградить себя от провоза через последнюю военной контрабанды для Турции, императорское правительство согласно удовлетворить все поставленные Братиано требования под условием, чтобы Румыния обязалась отныне же не пропускать никаких военных припасов для наших врагов и дала нам возможность действительного надзора за этим, а также—чтобы незамедлительно был прислан в ставку верховного главнокомандующего уполномоченный для выработки военного соглашения, долженствующего установить условия и срок румынского выступления. Как было условлено между союзниками, политическое соглашение должно быть выработано вами совместно с Братиано и сообщено на одобрение держав, чтобы затем быть подписано представителями последних в Бухаресте.

С а з о н о в.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

1 (14) августа 1915 г., № 453.

Братиано сообщил мне сегодня весьма конфиденциально, что здешний сербский посланник просил его на-днях сделать в Нише официальное представление о том, что уступки в Македонии в пользу Болгарии, которых требует от сербского правительства Четверное Соглашение, противоречат интересам Румынии. Братиано ответил, что он не только сочувствует предпринятому Четверным Соглашением делу примирения балканских государств между собой, но что Румыния сама готова с этой целью принести некоторые территориальные жертвы в пользу Болгарии, а потому она никоим образом не может предпринять в Нише просимого шага. Составленный в этом смысле ответ Братиано предполагает также сообщить Пашичу через румынского посланника в Сербии. По сведениям Братиано, сербское правительство, будто бы, готово уступить Болгарии Македонию до Вардара, но не более этого. Братиано также получил сведения о том, что греческое правительство поощряет Сербию к неуступчивости и что оно ей обещает, в случае надобности, вооруженную помощь Греции.

Поклевский.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

5 (18) сентября 1915 г., № 534.

Согласившись в принципе на предоставление румынскому правительству займа в 7 миллионов фунтов стерлингов, великобританское правительство сначала желало, взамен этой денежной ссуды, добиться изменения соглашений, предположенных к заключению между румынским, австрийским и германским правительствами о транзите товаров. После того, как Братиано нашел невозможным выполнить это условие, великобританское правительство потребовало от румынского правительства взамен займа выполнения следующих двух обязательств: во-первых, не заключать с другими правительствами соглашений, которые могли бы ослабить силу данного нам румынским правительством обещания не пропускать военных припасов и материалов в Турцию непосредственно или через Болгарию; во-вторых, торжественно обещать, что Румыния в течение нынешней войны не выступит ни против Англии, ни против ее союзников, при чем обещание это должно быть дано в такой форме, чтобы оно было сочтено обязательным не только для нынешнего румынского правительства, но и для последующих. Это требование было мотивировано не недоверием к Братиано, а заявлениями в печати Маргиломана о том, что его партия не признает силы принятых кабинетом международных обязательств, если они не будут облечены в требуемые здешней конституцией формы (*пропуск*) Братиано принял первое требование с оговоркой, что относительно

транзита для Болгарии он должен руководствоваться заключенным весною румынско-болгарским соглашением. От принятия же второго требования он уклонился, заявив великобританскому посланнику, что он считает данные им Четвертому Соглашению заверения обязательными и для его преемников, что лучшей гарантией выполнения Румынией намеченной им программы является удержание у власти нынешнего кабинета, и он видит возможность своего падения лишь в случае агитации против него со стороны наших сторонников, или — если нами вообще совершены были бы какие-либо крупные ошибки. Он находит, что принятию Румынией требуемого великобританским правительством обязательства, должны предшествовать разные внутренние переговоры, которых лучше было бы не возбуждать при нынешних обстоятельствах и которые, может-быть, в конце концов привели бы даже к отставке кабинета.

Поклевский й.

103.

Секретная телеграмма посла в Париже.

29 сентября (12 октября) 1915 г., № 639.

Не могу скрыть от вас, что возбуждение против России, вследствие сомнения в нашей готовности участвовать в военных действиях на Балканах, с каждым днем усиливается в здешних парламентских, газетных и даже правительственных кругах. С одной стороны, нас выставляют главными виновниками создавшегося на Балканах положения, вызванного, будто бы, нашей несговорчивостью по отношению к Румынии и систематическим пристрастием к Болгарии. С другой — указывают, что отсутствие наших войск не только нанесло бы удар союзному престижу и историческому положению России среди балканских народов, но поставило бы и Францию и Англию в самое невыгодное и опасное положение, внушив против них сказанным народам сомнение в единении союзников. Открывающемуся на Балканах новому фазису великой войны здесь придают громадное значение и считают, что открытие австро-германцами пути в Константинополь, помимо того, что оно прекратит доступ к России, даст Австрии и Германии возможность получать в неограниченном количестве из Малой Азии продукты и людей. Поэтому общественное мнение громко требует, чтобы этому новому напору были противопоставлены соединенные усилия всех четырех союзных держав; в противном случае возникнет вопрос, может ли Франция, без уверенности быть поддержанной на Балканах, рисковать ослабить свои силы на главном своем фронте. Указывают на то, что Россия должна получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды и что, если она не будет участвовать в общем (*пропуск*) Франция и Англия должны будут пересмотреть свои решения касательно Константинополя и проливов. Статья в этом смысле появилась в столь серьезном органе, как «Журналь де-деба». Сегодня некоторые влиятельные газеты опять высказывают, что, ради спасения положения и привлечения Румынии, Россия должна пожертвовать частью Бессарабии. Все это создает здесь

крайне для нас неблагоприятную атмосферу и может серьезно отразиться на наших отношениях с Францией. Между прочим, на этой почве происходит ожесточенная кампания против Делькассе и Палеолога, могущая кончиться их увольнением.

И з в о л ь с к и й.

104.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

1 (14) октября 1915 г., № 606.

Вчера, 30 сентября, вечером Барклай, по поручению своего правительства, предложил Братиано заключить военную конвенцию, на основании коей Румыния объявит немедленно войну Германии, Австрии и Болгарии, а союзники обяжутся доставить в Салоники свои войска, численность коих составит к концу ноября 150.000 человек, а к концу года 200.000. Кроме того, Англия обещает категорически потребовать от Греции выполнения ее союзных по отношению к Сербии обязательств. В том же сообщении упоминается о поставке нам Англией в течение двух месяцев 500.000 ружей, что позволит нам усилить нашу армию и предпринять на южном фронте серьезные совместные с Румынией действия. Братиано выразил разочарование по поводу малочисленности союзных войск и столь позднего их прибытия в Салоники, вследствие чего Румынии пришлось бы около двух месяцев воевать без чьей-либо поддержки. Английское предложение будет сегодня обсуждаться в совете министров, и Братиано даст официальный ответ завтра или послезавтра.

П о к л е в с к и й.

105.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

4 (17) октября 1915 г.

Костинеско, посоветовавшись с некоторыми коллегами, сделал мне сегодня, 4 октября, следующее заявление. Если Россия может выделить армию в 300.000 человек для действий на Балканах и если она будет просить румынское правительство о пропуске этой армии чрез румынскую территорию и, вместе с тем, предложит Румынии начать совместно с помянутой армией военные действия, то Костинеско ручается, что ни одно румынское правительство не будет в состоянии устоять перед подобным предложением и неминуемо его примет. По мысли Костинеско и его единомышленников, наша армия, непременно вышеуказанной численности, вместе с румынским отрядом в сто тысяч человек будет действовать против Болгарии и Турции, а вся остальная румынская армия перейдет через Карпаты и отрежет путь отступлению вторгнувшимся в Сербию австро-германцам. Костинеско просил меня держать наш разговор в строжайшем секрете и не сообщать о нем даже никому из моих иностранных коллег.

Обещая передать означенное предложение на усмотрение вашего высокопревосходительства, я отозвался вместе с тем полным незнанием относительно возможности его осуществления.

Поклевский.

106.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

19 октября (1 ноября) 1915 г., № 671.

Некоторые указания на предложение займа румынскому правительству со стороны «Дейтше Банк» мною получены лично от американского посланника и подтверждаются из других источников. В момент заключения первого болгарского займа в Лондоне «Дисконто - Банк» действительно предлагал румынскому правительству денежную ссуду взамен обещания нейтралитета, но это предложение было отклонено. По словам Костинеско, германский посланник будто бы на-днях сказал ему, что Румыния могла бы получить в Германии и Австрии один или два миллиарда франков и, кроме того, Бессарабию и Буковину, если она выступит против нас. Слова Костинеско отчасти подтвердил мне Братиано, говоря что Чернин сделал на-днях министру финансов какие-то баснословные финансовые предложения. Что касается скупки румынского урожая немецкими банками за баснословную цену, то, наоборот, пока замечается, что немцы желали бы возможно дешевле приобрести румынское зерно. Сведения о прибытии сюда из Болгарии немецких агентов вполне вероятно, но точно проверить его очень трудно.

Поклевский.

107.

Письмо посланника в Бухаресте министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Бухарест, 2 (15) ноября 1915 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь,

Сергей Дмитриевич.

Мне кажется, что военные и дипломатические перипетии продолжающейся уже больше пятнадцати месяцев общеевропейской войны твердо установили тот факт, что момент активного выступления Румынии на нашей стороне не зависит от каких-либо соображений высшего нравственного или идеального порядка, а будет определен исключительно в соответствии с общим положением на главном театре войны на Балканах и, в особенности, в России. Этого мнения придерживаются румынское правительство и большинство здешних государственных и политических деятелей, и, если общественное мнение страны, горячо высказавшееся в начале войны за активное выступление Румынии, не смогло осуществить тогда своих пожеланий, то трудно предположить

чтобы оно добилось такого результата теперь, когда оно само, под влиянием недавних событий на театре войны, находится в угнетенном настроении и туго реагирует на попытки некоторых убежденных румынских патриотов вызвать в нем прежний энтузиазм к войне.

Первые месяцы войны привели здешние правящие круги к убеждению, что на театре военных действий установилось равновесие сил, и что только приобретение Тройственным Соглашением новых союзников позволит ему одержать решительную победу над противником.

Исходя из этой точки зрения, румынское правительство, ориентировавшее уже к тому времени свою политику в нашу сторону, пришло само к убеждению и вселило таковое во все мыслящие круги румынского общества, что одновременное выступление Италии и Румынии против Австрии и Германии приведет быстро войну к благоприятному для нас исходу, и, вследствие этого, здесь стал общим лозунг о том, что Румыния должна выступить одновременно с Италией.

Действительно, вслед за подписанием Италией соглашения с Тройственным Соглашением Братиано тоже вступил с нами в переговоры, которые должны были повести Румынию к немедленному объявлению войны Австрии и Германии. К сожалению, переговоры эти сильно затянулись, и одновременно отступление наше из Галиции и Царства Польского создало такую военную обстановку, при которой Румыния уже не решалась выступить.

Эти события не только лишили нас для сдвига Румынии могучего рычага, каким являлось выступление Италии, но и произвели на здешнее общественное мнение подавляющее впечатление, внушив ему еще больший страх перед мощью германского оружия. Однако, ни румынское правительство, ни румынское общественное мнение не потеряли веру в силу России, ни в нашу конечную победу, но выступление Румынии стало казаться им возможным лишь по пополнении сил, вооружения и боевых припасов в нашей армии, и в тот момент, когда последняя окажется вновь в состоянии перейти в общее наступление.

Конечно, здесь в большей или меньшей степени учитывались и другие обстоятельства, которые могли бы побудить Румынию к более скорому выступлению, а именно, захват нами проливов или выступление Болгарии или Греции на нашей стороне. К сожалению, не только ни одно из этих обстоятельств не наступило, но даже, наоборот, Болгария, открыто перейдя на сторону наших врагов, напала на Сербию одновременно с переходом через Дунай значительной австро-германской армии.

Принимая во внимание, что только что указанные факты увеличивали риск, с которым было бы сопряжено выступление Румынии, — ни мои коллеги, ни я не делали себе никаких иллюзий относительно того, как отнесется Братиано к этому новому нападению на Сербию. И, действительно, на все обращенные к нему вопросы, Братиано неизменно выражал сожаление о том, что Румыния ни в чем не может оказать помощь Сербии. Он мотивировал это тем, что Румыния слишком маленькая страна для того, чтобы спасти Сербию, и что малейшая попытка с ее стороны в этом направлении должна повести к разгрому Румынии австро-германцами. Вместе с тем можно предполагать, что со стороны Германии были даны Румынии какие-либо заверения, так как Братиано высказывал в то же время твердое свое убеждение в том,

что Румыния не подвергнется нападению австро-германцев, если она останется нейтральной, и что она, таким образом, сохранит свои силы до того момента, когда общая обстановка на Балканском театре войны позволит ей выступить.

Давая такие ответы, Братиано намекал, однако, на, то, что, если державы Согласия окажут действительную помощь Сербии, посылкой на Балканский полуостров значительного количества войск, то общая обстановка может тогда измениться и побудить Румынию к перемене ее образа действий. При этом Братиано иногда намекал, что союзникам следовало бы послать в Салоники не менее 400.000 войск, и эту же цифру раз упомянул и король во время беседы своей с Филиппеско, о чем я имел честь довести в свое время вашему высокопревосходительству по телеграфу.

Если можно было предугадать отношение официальной Румынии к новому нападению на Сербию, то точно также следовало ожидать, что самые горячие сторонники выступления Румынии, как Таке Ионеско и Филиппеско, и самый сочувствующий их стремлениям член кабинета Костинеско, реагируют на это событие совершенно иным образом и приложат все усилия к тому, чтобы побудить Братиано к более скорому выступлению. Как я уже донес по телеграфу, первые два государственных деятеля имели 30 сентября бурное объяснение с Братиано, во время коего они дали ему 10-дневный срок для переговоров с державами Согласия об условиях выступления Румынии и угрожали, что по окончании этого срока они начнут агитацию против правительства, не останавливаясь ни перед какими средствами. Братиано не соглашался с мнением своих собеседников, но все же обещал им вступить в обмен мнений с державами Согласия.

Не знаю, в какой форме Братиано выполнил бы это обещание, если бы почин этих переговоров остался за румынским правительством, но в тот же день мой английский коллега сообщил ему предложение своего правительства, изложенное в моей телеграмме от 1-го прошлого октября, за № 606. В виду указанных ныне обстоятельств предложение это не могло увлечь Братиано, тем более, что великобританское правительство обязывалось послать в Салоники лишь 200.000 человек, и то только к концу декабря нового стиля.

Братиано отклонил это предложение по мотивам, изложенным в моей телеграмме от 3-го прошлого октября, № 612, и заявил при этом, что если Англия и Франция пошлют в Салоники 500.000 человек и если к тому времени положение на нашем фронте не ухудшится, союзные войска будут продолжать занимать свои позиции в Галлиполи, и сербская армия не будет уничтожена, то Румыния выступит, как только союзные войска окажутся готовыми к началу военных действий.

Подобный ответ, обуславливающий выступление Румынии трудно выполнимыми условиями и откладывающий его по меньшей мере до будущего февраля или марта месяца, не удовлетворил Костинеско и побудил его сделать мне изложенное в моей телеграмме от 4-го прошлого октября, № 615, предложение, основанное на том соображении, что если Россия может послать для действий против Болгарии армию в 300.000 человек, то эта армия будет собрана к концу ноября, одновременно с 150.000-й армией союзников, и что обе эти силы соста-

вят в общей сложности армию приблизительно в 500.000 человек, появление коей на Балканах позволит Румынии немедленно начать военные действия. Костинеско заверял меня при этом, что предложение наше румынскому правительству о кооперации и просьба о пропуске наших войск, поддержанные концентрацией по соседству с Румынией нашей армии выше указанной силы, не может быть отвергнуто румынским правительством и что как он сам, так и его единомышленники в кабинете сумеют заставить Братиано его принять.

Относясь по опыту несколько скептически к заверениям румынских государственных деятелей, я на следующий же день, 5-го октября, посетил Братиано, чтобы убедиться в том, как относится он к мысли о посылке русской армии на Балканы. Из его объяснений, изложенных в моей телеграмме от того же числа, № 618, я мог убедиться, что план Костинеско вполне осуществим, так как Братиано не только отнесся сочувственно к возможности посылки нашей армии против Болгарии, но и категорически мне заявил, что общая численность такой нашей армии могла бы пойти в зачет 500.000-й англо-французской армии, затребованной им от наших союзников.

Моему удивлению не было пределов, когда я узнал 19-го октября от моего великобританского коллеги, что в разговоре с ним Братиано высказал совершенно противоположное мнение, а именно, что уже сосредоточившаяся в то время в Одесском округе наша новая армия не может войти в расчет 500.000-ой армии наших союзников, так как в своем предложении от 30-го прошлого сентября великобританское правительство уже будто бы обещало Румынии кооперацию новой русской армии в 500.000 человек, и готовящиеся для действий против Болгарии русские войска являются лишь частью этой «обещанной армии».

При первом же свидании с Братиано я самым энергичным образом, но безуспешно протестовал против нового «*de mauvais force*» толкования Братиано смысла английского предложения, но он самым твердым образом решил, повидимому, использовать слабые стороны этого предложения и доказывал, что все его теперешние требования совершенно соответствуют английским обещаниям. По его словам, Англия обещала армию в 200.000 человек, кооперацию Греции и новую русскую армию в 500.000 человек, в виду чего он и требует за отказом Греции от кооперации, англо-французскую армию в 500.000 человек и русскую армию, которая может быть и несколько менее 500.000 человек, но этому последнему обстоятельству он хотел придать уже характер уступки (моя телеграмма № 683).

Совместная моя с Барклаем попытка сбить Братиано с этой точки зрения (моя телеграмма № 692) — также не увенчалась успехом, вследствие чего нам приходится теперь считаться с фактом, что Братиано не найдет возможным принять наше предложение о кооперации и о пропуске наших войск через румынскую территорию, которое мы намерены сделать по сосредоточении нашей предназначенной для действий против Болгарии армии.

За принятие нашего предложения горячо выскажутся Таке Ионеско и Филиппеско и Костинеско, если последний не изменит к тому времени своего мнения, которого он придерживался еще вчера. Если агитации Таке Ионеско и Филиппеско не следует придавать преувеличен-

ного значения в виду тихого настроения здешнего общественного мнения, а также вследствие того, что эти лица примешали к своей кампании за выступление Румынии личную борьбу против Братиано и против злоупотреблений в военном министерстве, то давлению на Братиано со стороны членов его кабинета и видных представителей либеральной партии, в роде Стельяна, нельзя, мне кажется, отказать в некоторых шансах на успех. Во всяком случае в этом заключается единственная пока надежда на скорейшее выступление Румынии, а потому нам следует его использовать, действуя при этом с большой осторожностью и предоставив давление на Братиано исключительно румынским политическим деятелям.

Что же касается самого Братиано, то перемена им оценки факта посылки нашей армии на Балканы отчасти объясняется его чрезмерной осторожностью, желанием его обставить выступление Румынии возможными гарантиями с военной точки зрения, а также нежеланием его переменить сложившееся уже у него мнение, что Румыния выступит лишь в будущем феврале или марте. Но может быть, что тут замешан также вопрос личного самолюбия, так как Братиано узнал от румынского посланника в Петрограде о плане Костинеско, и он уже горько упрекал последнего за его переговоры за спиной первого министра.

Я не думаю, чтобы у Братиано были при этом какие-либо другие задние мысли, которые с такой легкостью приписываются ему его политическими противниками, некоторыми пессимистами из дипломатического корпуса.

Я продолжаю быть убежденным, что Братиано и теперь, как и раньше, подготавливает выступление Румынии на нашей стороне, но по свойствам своего характера он желал бы его возможно оттянуть. Конечно, внешние явления и, особенно, положение на театре войны должны влиять на политику маленькой страны, как Румыния, которая не в состоянии своими силами изменять общий ход событий, но, глубоко веруя в то, что часы тяжелых испытаний для России уже прошли, я позволяю себе бодро смотреть на отношения наши к Румынии в будущем. У меня также есть уверенность в том, что Братиано, благодаря всему, происшедшему за 15 месяцев войны, не может вести другой политики, кроме сочувственной Четверному Согласию.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

С. Поклевский.

1916 г.

108.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

9 (22) января 1916 г., № 14.

Я воспользовался возвращением Братиано из деревни, чтобы сегодня, 9-го января, расспросить его о степени достоверности распространяемых в здешних политических кругах слухов о неудовольствии Германии

поведением Румынии и об ожидаемом со стороны австро-германцев давлении на последнюю, с целью выяснения ее отношений к воюющим державам. Братиано ответил, что в Берлине, действительно, очень раздражены продажей румынской пшеницы англичанам и кандидатурой Лукача и Гоги в румынский парламент и что положение вообще следует считать серьезным. Он однако не отдает себе еще ясного отчета в том, является ли нынешнее настроение Берлина лишь временным выражением неудовольствия или предлогом, чтобы, пользуясь нынешней весьма благоприятной для Германии обстановкой на Балканском полуострове, предъявить Румынии в ультимативной форме требования, в роде демобилизации армии или перемены правительства. Если окажется верным первое предположение, то тогда отношения между Румынией и Германией могут вновь временно наладиться, так как румынское правительство, сознавая, насколько нынешний момент неблагоприятен для активного выступления Румынии, постарается усыпить подозрения Германии и будет готово даже пойти на некоторые уступки в области экономической, например, в вопросе дальнейшей покупки немцами части румынского урожая. Если же верно второе предположение, что как бы подтверждается некоторым усилением германских войск на румыно-болгарской границе, то, несмотря на всю трудность положения, Братиано решил воспротивиться германским требованиям, и он надеется, что ему удастся остаться хозяином положения в Румынии и привести это решение в исполнение. Я заметил, что серьезность нынешнего положения указывает на крайнюю необходимость немедленного обмена мнений между нашим и румынским штабами с целью согласования будущих военных действий. Братиано с этим вполне согласился и сказал, что ожидает приезда сюда нашего нового военного агента, дабы вступить с ним в обмен мнений по этому вопросу. Он добавил, что румынская граница со стороны Австро-Венгрии и Болгарии столь длинна, что одна румынская армия не может успешно ее защищать, а поэтому он просил меня точно выяснить, на случай вторжения неприятельской армии в Румынию, во сколько дней и сколько войск мы могли бы сосредоточить на нашей границе с Румынией с тем, чтобы эти войска могли затем помочь Румынии отразить неприятельское нападение с юга. Братиано считает последнее особенно опасным, в виду того, что Бухарест находится всего в шестидесяти километрах от Дуная. Выехавши в кратковременный отпуск, здешний германский посланник возвращается в Бухарест 10-го января до истечения срока своего отпуска.

Поклевский.

109.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме.

11 (24) января 1916 г., № 186.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского, № 14.

Положение в Румынии становится столь серьезным, что необходимо безотлагательно принять меры к успокоению Братиано относительно могущей угрожать Румынии со стороны Болгарии опасности. Поэтому

нужна угроза Болгарии с юга в виде самых широких приготовлений к переходу в наступление. Необходимо направить в Салоники все силы, которые без прямого ущерба производимся на других фронтах операциям могли бы быть отвлечены с последних. По мере восстановления сербской армии желательно направлять и ее к усилению находящихся в Солуни отрядов. Нужно, чтобы наши враги прониклись убеждением, что союзники не намереваются ограничиться самообороною на болгарской границе. Только такое убеждение помешает им усилить нажим на Румынию и позволит последней остаться на стороне держав Согласия. Благоволите приложить все старания к достижению указанной выше цели.

С а з о н о в.

110.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

12 (25) января 1916 г., № 18.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 16.

Я виделся сегодня, 12 января, с Братиано, который сообщил мне, что германский посланник говорил ему о неудовольствии Берлина, вызванном продажей Румынией пшеницы Англии ¹⁾, и упомянул о желании Германии делать дальнейшие покупки зерна в Румынии; что фон-Буш был очень сдержан и не сделал никакого намека на возможность предъявления Румынии каких-либо требований. Это однако еще не успокаивает Братиано, который допускает, что подобные требования могут быть предъявлены посланником на сегодняшней аудиенции у короля, и вообще Братиано находит, что положение не разъяснится ранее 2 — 3 дней. На мой вопрос о том, какие конкретные факты породили нынешнюю тревогу в Румынии, Братиано ответил, что начало ей дал разговор германского канцлера с румынским посланником в Берлине и что затем стали поступать из разных источников многочисленные, хотя и противоречивые сведения, из коих вполне верными являются сообщения из Берлина о том, что германское правительство потеряло всякое доверие к Братиано, считая, что последний разделяет взгляды Таке-Ионеско и Филиппеско и лишь выжидает благоприятного момента, дабы напасть на Германию. Братиано далее объяснил мне, что между словами, сказанными им мне 9-го января и Барклаю 11-го января, в сущности, нет никакого противоречия, так как, не уясняя себе еще вполне положения, он делает лишь разные гипотезы и придумывает выходы из затруднений. Свое будущее поведение он мне сегодня формулировал следующим образом. Главной целью Братиано является продолжение Румынией политики на стороне Тройственного Согласия, и он отлично сознает, что лучшей для этого гарантией является удержание им власти в своих руках, а потому он сделает для последнего все возможное. Если же он убедится в том, что германское правительство, при условии его отставки, не поставит теперь Румынии требований об изменении

¹⁾ «Грандиозным подкупом была закупка румынского хлеба Англией, которой Румыния дала при этом формальное обещание начать войну...», — пишет по этому поводу Эрцбергер — см. «Германия и Антанта», стр. 107.

ее теперешней политики, то он готов будет устраниваться от дел с тем, чтобы и в отставке наблюдать, дабы Румыния не уклонилась от нынешнего курса ее иностранной политики и выступила бы на нашей стороне при первом благоприятном случае. Наконец, если бы германское правительство теперь же требовало от Румынии перемены ее политики, то Братиано решил противиться подобным требованиям до конца.

Видевшись сегодня с королем, он вновь убедился, что король совершенно разделяет взгляды своего первого министра. Братиано спросил меня, получил ли я уже от вашего высокопревосходительства ответ на изложенный в конце моей телеграммы № 16 запрос.

Поклевский.

111.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне.

13 (26) января 1916 г., № 233.

Полагаю, что мы должны обнадежить Братиано, дабы, в случае предъявления немцами ультиматума, он, чувствуя, что может опереться на союзников, решился противостоять германским требованиям. — Я поручаю, поэтому, Поклевскому сообщить Братиано, что, если будет нужно, русская армия немедленно придет ему на помощь. Считаю также необходимым, для придания бодрости румынскому правительству, чтобы союзные посланники получили предписание заявить ему, что, если болгары двинутся на Румынию, салоникский десант немедленно перейдет в наступление, дабы оттянуть на себя болгар. Я считаю, что дальнейшее поведение Румынии исключительно зависит от решимости Братиано, и поэтому необходимо всеми силами поддержать в нем уверенность, что он не ошибся, связав свою политику с державами Согласия.

Прошу вас по предмету настоящей телеграммы сделать соответствующие шаги и ответить по телеграфу.

Сазонов.

112.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

13 (26) января 1916 г., № 21.

Великобританскому посланнику, желавшему видеть сегодня, 13 января, Братиано, последний ответил, что у него нет никаких новых сведений, и просил отложить свидание на день или на два. Костинеско сказал мне, что король не виделся после вчерашней аудиенции германского посланника ни с Братиано, ни с другими министрами и выехал сегодня вечером на сутки на давно назначенную охоту. Этот факт можно считать за успокоительный признак, так как Братиано мне вчера говорил, что, в случае серьезного кризиса, король отложит охоту. Костинеско, не имея на то положительных данных, предполагает, что император Вильгельм желает теперь же получить личное обещание румынского

короля относительно сохранения Румынией нейтралитета до конца войны. Костинеско отметил также вызывающее отношение болгар к румынским таможенным чиновникам и закрытие вчера болгарским правительством нескольких пунктов болгаро-румынской границы, вероятно, с целью сокрытия передвижения войск. Вообще, в здешних правительственных кругах уверены, что Германия подстрекает против Румынии Болгарию, которая не поддается просьбам германского правительства о принятии ею участия в экспедиции против Салоник до окончательного выяснения положения здешнего королевства.

Поклевский.

113.

Секретная телеграмма японского посла в Петрограде барона Мотоно министру иностранных дел Японии барону Исии ¹⁾.

14 (27) февраля 1916 г.

Наш посол в Лондоне телеграфирует:

«После разговора, о котором я сообщаю в предшествующей телеграмме, я обратился к румынскому посланнику с вопросом, соответствуют ли действительности слухи о том, что Румыния в скором времени станет на сторону держав Согласия.

Посланник ответил, что относительно этого пункта он еще не может дать ответа, и сообщил мне затем совершенно конфиденциальным образом следующее:

В позапрошлом году, приблизительно два месяца после начала войны, державы Согласия обратились к Румынии с предложением принять участие в войне. Румынское правительство выразило готовность согласиться на это предложение и предъявило следующие условия: 1) захват Трансильвании, 2) помощь со стороны держав Согласия, главным образом, деньгами и военными материалами, и 3) присоединение к Румынии Буковины, так как большинство населения этого края принадлежит к румынской нации. По этому поводу он — румынский посланник — вел переговоры с Грэм, но, хотя Англия и Франция согласились на эти требования, Россия дала принципиальное согласие на 1-е условие, но относительно 3-го условия она решительно отказалась дать свое согласие. После частных переговоров с Грэм, последний, наконец, сделал предложение вести переговоры по этому вопросу непосредственно между Румынией и Россией, но, тем не менее, не было достигнуто удовлетворительного результата, и вопрос был оставлен без движения. Затем он получил инструкции вступить в переговоры с английским правительством относительно финансовой помощи со стороны Англии, при чем Англия потребовала гарантий, что Румыния не выступит на стороне противников держав Согласия. Мы дали эти гарантии и получили уже 12.000.000 фунтов от Англии. При таких обстоятельствах ясно, почему Румыния в настоящее время не может объявить войну державам Согласия. Действительно, Германия с осени прошлого года производит на нас сильное давление, чтобы добиться выяснения позиции Румынии, но наше правительство продолжает давать

¹⁾ Перевод с японского, сделанный в канцелярии м. ин. д. Дешифрант.

ответ, что Румыния будет продолжать придерживаться нейтралитета, и позиция нашей страны выяснится только через несколько месяцев. Если Румыния в конце концов действительно станет на сторону держав Соглашения, то балканской политике Германии будет нанесен сильный удар, и возможно, что в таком случае Греция также выступит. Болгария нам не доверяет и сосредоточила в настоящее время 80.000 человек на нашей границе. Во всяком случае наше правительство заканчивает военные приготовления, и его беспокоит только недостаток в военных припасах. Кроме парохода, который — как я вам говорил — отправляется во Владивосток, в апреле будет отправлен еще другой пароход. Япония теперь оказывает большую помощь России, и возможно, что она не в состоянии поставлять Румынии винтовки, пулеметы и снаряды. Но, если она бы могла снабдить нас, наше правительство готово купить сколько можно.

Я ответил, что как раз эти товары мы поставляем России, что у нас, кроме правительственных арсеналов мобилизована также и частная промышленность, что поэтому мы навряд ли будем в состоянии удовлетворить это требование. Во всяком случае я передам об этом нашему военному агенту при посольстве».

Из сообщений посланника явствует, что, если военные дела союзников весной примут благоприятный оборот, Румыния воспользуется этим случаем, чтобы начать войну.

114.

Секретная телеграмма посла в Париже ¹⁾.

18 февраля (2 марта) 1916 г., № 144.

По сведениям, полученным здесь из Бухареста, при переговорах между нашим и румынским генеральным штабом возникли серьезные разногласия: румыны будто бы настаивают на том, чтобы им предоставлено было действовать главным образом в пределах Буковины и Трансильвании, тогда как мы стремимся направить их силы против Болгарии. Французское правительство очень озабочено этим известием и крайне опасается последствий возможного разрыва упомянутых переговоров. Президент Республики телеграфирует об этом непосредственно государю императору, а генерал Жоффр — генералу Алексееву. Палеологу также предписано переговорить с вами об этом вопросе.

И з в о л ь с к и й.

115.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

20 февраля (4 марта) 1916 г., № 895.

Французское правительство, основываясь, очевидно, на сообщениях, исходящих из Бухареста, выражает нам свое беспокойство за исход наших переговоров с Румынией по вопросу о военном соглашении,

¹⁾ Перевод с французского.

пытаясь объяснить возможный неуспех их нашей недостаточной готовностью идти на уступки.

Мы крайне удивлены таким извращением фактов.

Поручаю вам переговорить в этом смысле с Братиано.

С а з о н о в.

116.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

1 (14) марта 1916 г., № 146.

Сегодня, 1-го марта, Братиано вновь показался мне довольно нервным. Его тревожат: наглость болгар по отношению к Румынии, усиление болгарских войск на румынской границе и закрытие австро-венгерским правительством румынской границы, которое, может-быть, скрывает перегруппировку австро-венгерских войск вблизи Румынии. Братиано также опасается, что немцы могут, в случае неуспеха у Вердена, попытаться загладить неблагоприятное для них впечатление посредством наступления на Румынию или по соседству с нею. Я старался успокоить Братиано и указал ему, что если Румынии угрожает какая-либо опасность, то ему следовало бы возможно скорее ознакомить полковника Татаринова с румынскими военными приготовлениями и планами, дабы наше верховное командование могло составить себе верное представление о здешнем положении. Братиано в принципе согласился с моим мнением, и у него вырвалась фраза: «Если Румыния очутится в опасности и у вас будут лишние войска, то вам надо послать их возможно скорее нам на помощь». — Затем, вероятно, под впечатлением разговора с приехавшим сюда румынским военным агентом в Петрограде, Братиано выразил глубокое сожаление о том, что многие, обращенные к нам, просьбы румынского военного ведомства остаются без удовлетворения и что это ставит его в очень трудное положение в такой момент, когда ему особенно нужна полная поддержка с нашей стороны. Мне не трудно было возразить на подобное заявление, и в ответ Братиано вновь выразил глубокую свою благодарность императорскому правительству за снабжение Румынии лошадьми, селитрой и т. п., но добавил, что Румынии нужно еще очень многое, дабы довести свою боевую готовность до уровня, которого требует нынешняя война.

Впрочем, Братиано не мог мне перечислить, кроме масла, тех продуктов, которыми мы отказываемся снабжать румынскую армию, и он сослался на необходимость навести более точную справку по этому вопросу.

Поклевский.

117.

Секретная телеграмма посла в Париже

7 (20) марта 1916 г., № 189.

В виду открывающейся в будущий понедельник конференции для меня весьма важно быть осведомленным о положении наших пере-

говоров с Румынией, ибо разрешение столь важного вопроса о переходе союзников в наступление на Балканском театре будет главным образом зависеть от того, можно ли рассчитывать на одновременное наступление русских и румынских сил. Из неофициального, но вполне надежного источника здесь имеется сведение, что переговоры эти были бы ускорены и облегчены, если бы они велись не только между Россией и Румынией, но при участии других союзников. Особенно полезную роль могла бы сыграть Италия, военный агент которой в Бухаресте будто бы пользуется большим влиянием.

И з в о л ь с к и й.

118.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Париже.

9 (22) марта 1916 г., № 1182.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 189.

Вследствие разных затяжек со стороны румын наши переговоры с ними едва начались и пока ограничиваются только взаимным осведомлением по военным вопросам. Мне кажется, что в такой стадии вмешательство в них третьих держав было бы скорее вредно, чем полезно для дела.

Что касается, в частности, Италии, то, по нашим вполне достоверным сведениям, влияние ее в Бухаресте совершенно ничтожно.

С а з о н о в.

119.

Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Бухаресте.

6 (19) апреля 1916 г., № 1628.

Я вызвал сегодня Диаманди и высказал ему, что заключение румыно-германского торгового соглашения произвело очень невыгодное впечатление в России, внушая подозрение, что за ним скрывается какая-то другая политическая сделка, касающаяся болгаро-румынских отношений, которая, может-быть, обозначает некоторый поворот Румынии в сторону центральных империй.

Диаманди отрицал последнее и сослался на то, что ему известно только о торговом соглашении, вызванном тяжелым экономическим кризисом в Румынии.

Благоволите по возможности выяснить обстоятельства, при которых было заключено соглашение, и действительно ли дело идет только о торговых вопросах.

С а з о н о в.

120.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 апреля (4 мая) 1916 г., № 241.

Я воспользовался новым свиданием с Братиано после возвращения его из продолжительного отпуска, чтобы серьезным образом обратить

его серьезное внимание на весьма неблагоприятное впечатление, произведенное у нас и у союзных нам стран новым германо-румынским экономическим соглашением. Братиано выразил крайнее огорчение по поводу выказываемого к нему недоверия и настаивал на том, что друзьям Румынии следует с доверием относиться к тем мерам, которые румынское правительство принимает с целью обезоружить его врагов, и что без такого доверия он не будет в состоянии довести до конца принятую им на себя тяжелую и ответственную задачу. По его словам, германо-румынское экономическое соглашение преследует две политические цели. Первая относится к области иностранной политики и состоит в желании вселить нашим врагам уверенность в том, что Румыния сохранит нейтралитет до конца войны; вторая же касается внутренней румынской политики и подсказана необходимостью отнять от здешних германофилов главное оружие, с помощью которого они надеялись низвергнуть нынешний кабинет и призвать к власти Маргиломана, а именно Братиано пришлось облегчить ликвидацию румынского урожая и обеспечить доставку в Румынию из Германии и Австрии разных продуктов и товаров, в которых здесь чувствуется большая нужда. Что же касается практического значения дипломатического соглашения, то Братиано утверждает, не без основания, что выгода от него несомненно падет главным образом на Румынию, которая станет лишь теперь получать из Германии и Австрии необходимые ей предметы, между тем как она сама будет вывозить в эти страны только то, что вывозила туда и до соглашения. По поводу предоставленного Германии свободного транзита товаров через Румынию за исключением военных припасов Братиано поясняет, что он в прошлом, даже рискуя войною, противился транзиту военного материала через Румынию для Турции, так как он вполне сознавал, что этим оказывает нам чрезвычайно важную услугу. Теперь же, при свободном для наших врагов плавании по Дунаю и после занятия Сербии, вопрос о транзите вообще потерял, по мнению Братиано, значение, и отказ Румынии в транзите не принес бы нам существенной пользы и явился бы лишь бесполезным вызовом по отношению к Австрии и к Германии, Братиано даже заявил, что новое соглашение с Германией должно, естественно, быть дополнено соглашением с Австрией однородного же содержания, и об этом в настоящее время уже ведутся переговоры. Румынское правительство в принципе было бы также склонно заключить такое же соглашение и с Болгарией, так как оно желало бы получить оттуда табак и (*пропуск*) через Болгарию около 1.000 вагонов разных предназначенных для Румынии товаров, которые уже около года сложены в Салониках. Братиано уверяет однако, что требовательность болгарского правительства делает пока заключение подобного соглашения маловероятным. О соглашении же с Турцией нет и речи, хотя и там румынское правительство желает приобрести через своего коммерческого агента полезные для Румынии продукты.

Я заметил Братиано, что из его объяснений я усматриваю у него, главным образом, опасение раздражать наших врагов, при чем он как бы забывает, что некоторые действия румынского правительства, являющиеся неожиданными для держав Согласия, должны несомненно вызвать неудовольствие последних. Братиано возразил, взывая

к нашему доверию, и выразил полную готовность всегда давать здешним представителям Согласия разъяснения по отношению политики румынского правительства.

Поклевский.

121.

Письмо директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Ставка, 14 (27) мая 1916 г.

Глубокоуважаемый

Сергей Дмитриевич.

В последнем разговоре со мной начальник штаба высказал мне беспокойство по поводу Румынии и просил обратить особенное внимание ваше на это обстоятельство. Ряд признаков, по мнению генерала Алексеева, указывает на перемену ориентации румынской политики: торговые соглашения, смена военных агентов, прибытие в Румынию неприятельских офицеров и т. д. Я заметил начальнику штаба, что румыны, как весьма практические политики, примут решение не под влиянием каких-либо обещаний со стороны австро-германцев, а лишь в зависимости от того, на чью сторону фактически склонится победа, и что этот вопрос вероятно разъяснится в течение летних месяцев; что же касается до военного нажима на румын, то австро-германцы не располагают для этого достаточным количеством войск. Генерал Алексеев вполне с этим согласился, но прибавил, что почти вся болгарская армия может быть использована для этой цели и компенсирует недостаток австро-германских войск, потребных для поддержки Румынии в случае вовлечения ее в борьбу против нас. Нельзя быть уверенным, — прибавил начальник штаба, — что немцы не сделают Братиано обещания весьма заманчивых компенсаций за счет Австрии и, кроме того, за наш счет, а Братиано я не верю.

Прошу вас верить в глубочайшее уважение искренне преданного вам

Н. Б а з и л и.

122.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

4 (17) июня 1916 г., № 360.

Испросив на-днях аудиенцию, Филиппеско старался убедить короля в необходимости немедленного выступления Румынии. Король вновь ответил заверением, что он не явится препятствием к осуществлению румынского национального идеала и что он даст согласие на выступление Румынии против центральных империй, как только того от него потребует румынский народ. Король далее заметил, что, вступив недавно на престол, он не пользуется еще должным авторитетом в стране, но что он надеется приобрести таковой после победоносной войны и будет тогда оказывать большее влияние на государственные дела. На обра-

ценные к королю довольно резкие жалобы на политику Братиано король ответил, что с наступлением великого момента выступления Румынии он обратится ко всем партиям с просьбой предать забвению их распри и объединиться вокруг престола.

Поклевский.

123.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

16 (29) июня 1916 г., № 406.

Блондель получил новые инструкции¹⁾. Ему поручено сообщить Братиано, что общее наступление, согласно выработанному всеми союзниками плану, уже началось, что военные действия союзников будут отныне лишь усиливаться и что Франция обеспечит Румынии доставку военных припасов через Россию.

Перечислив затем те немногочисленные австрийские и болгарские войска, которые могут быть выставлены против румынской армии, Блонделю приказано заявить Братиано от имени всех союзных штабов, что теперь наступил самый благоприятный момент для выступления Румынии на нашей стороне. Выслушав это сообщение, сделанное ему сегодня, 16 июня, Братиано записал себе главные его пункты и заявил, что он придает очень важное значение словам Блонделя и что он вполне понимает, что нейтралитет Румынии не может уже теперь долго продолжаться. В заключение он просил у Блонделя 48 часов на размышление и обсуждение его сообщения.

Поклевский.

124.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

21 июня (4 июля) 1916 г., № 416.

Ответ, данный Братиано сегодня, 21-го июня, Блонделю, оказался менее благоприятным, чем последний предсказывал нам вчера. Братиано готов немедленно подписать военную конвенцию, об условиях коей предстоит еще договориться, но общий смысл ее должен сводиться к следующему: румынское правительство обязуется начать мобилизацию в тот день, когда будут выполнены следующие условия: 1) первый поезд с военными припасами для Румынии должен прибыть на ее границу, и Россия и Италия должны гарантировать Румынии постоянство в снабжении ее военными припасами на все время войны в размере приблизительно по триста тонн в день; 2) в этот момент общее наступление союзников не должно оказаться остановленным; 3) в то время положение русской армии в Галиции и Буковине должно быть по крайней мере таким, каким оно является в настоящий момент; 4) Румыния должна быть предохранена от наступления со стороны Болгарии.

¹⁾ Заключительная часть инструкции цитируется М. Палеологом — см. «Царская Россия накануне революции», стр. 156.

Кроме того, Братиано, повидимому, подразумевает также заключение политического соглашения, гарантирующего Румынии территориальные приобретения в пределах, формулированных им во время прошлогодних переговоров. Я завтра увижу Братиано и не премину высказать ему мое личное мнение о том, что поставленные им условия дают ему возможность затягивать выступление Румынии и что, судя по полученным нашим военным агентом инструкциям, я сомневаюсь, чтобы мы могли на это согласиться, и что, вообще, едва ли мы предусматриваем возможность заключения военной конвенции, в коей не был бы точно определен весьма близкий срок для выступления Румынии. Французский и итальянский военные агенты получили из главных квартир приказание поддержать перед Братиано — и притом в тех же выражениях — представление, сделанное Татариновым 19 июня, на основании полученной от генерала Алексеева телеграммы. Таким образом, ныне выступает на первый план наше представление, но ответ Братиано дан Блонделю, который выступил с представлением от генерала Жоффра раньше нас.

Поклевский.

125.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

22 июня (5 июля) 1916 г., № 418.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 416.

Сегодня, 22 июня, Братиано повторил мне данный им вчера Блонделю ответ. Я вновь прочел ему полученную Татариновым инструкцию и указал ему, что ее содержание дает мне полную уверенность в том, что ответ его будет признан нами неудовлетворительным, вследствие изложенных в моей вчерашней телеграмме соображений. Братиано указывал на то, что, уступая представлениям союзников, он решается теперь подписать военную конвенцию и что затем необходимо отнестись к нему с доверием, так как, если обстоятельства на театре войны не изменятся к худшему, то Румыния непременно мобилизуется в момент прибытия на границу первого поезда с военными припасами. Если же к тому времени положение союзников ухудшится, тогда выступление Румынии станет для нее опасным, и ей придется выждать более благоприятного момента.

По поводу происходящих ныне с Братиано переговоров я позволяю себе высказать нижеследующие соображения: как я, так и Татаринов, внимательно следим за все усиливающимся в Румынии впечатлением от нашего наступления, не решаясь однако еще предлагать какое-либо давление на Румынию, с целью побуждения ее на скорейшее выступление, так как мы опасались, что Братиано может обставить его такими военными условиями, которые могут оказаться для нас неприемлемыми, и что затем он будет иметь возможность свалить на нас вину за невыступление Румынии. Но, как теперь выясняется, здешний французский военный агент вел частные переговоры с генералом Ильеско, человеком весьма словоохотливым и не скупящимся на разные обещания, о которых Братиано обыкновенно даже и не знает, и такие

разговоры побудили генерала Жоффра преподать Братиано мотивированный совет немедленно выступить на нашей стороне, при чем все остальные союзные миссии получили приказание поддержать как этот совет, так и полученную затем Татариновым инструкцию. Ответ Братиано является, конечно, некоторым шагом вперед, но гораздо меньшим, нежели, повидимому, ожидали союзные правительства. Нельзя однако упускать из виду, что, судя по примеру прошлого, оценка нами значения выступления Румынии меняется в связи с обстоятельствами, а потому я осмеливаюсь на основании всего вышеизложенного представить на усмотрение вашего высокопревосходительства следующие два заключения: 1) если ответ Братиано будет признан нами неудовлетворительным, то мне кажется, что лучше всего было бы нам заявить ему, что мы с удовольствием готовы заключить с румынами военную конвенцию, но лишь такую, в которой был бы точно указан близкий срок для выступления Румынии; если он найдет невозможным пойти сейчас на заключение подобной конвенции, то дальнейшие успехи наши и наших союзников побудят его самого вскоре затем обратиться к нам с таким предложением, и мы тогда отнесемся к нему соответственно с тем, какое значение мы будем в то время придавать выступлению Румынии; 2) было бы желательно предписать всем здешним представителям держав Согласия не предлагать своим правительствам принятия каких бы то ни было дипломатических шагов в Бухаресте, не поставив своих коллег в известность о таких предложениях и не давая им, таким образом, возможности представить их собственные соображения на усмотрение своих правительств.

Поклевский.

126.

Секретная телеграмма министра иностранных дел директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

24 июня (7 июля) 1916 г., № 2949.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 418.

Во всяком случае на несогласие Румынии обязаться теперь же к выступлению в ближайшем времени, по твердому моему убеждению, было бы неосторожно ответить заявлением, что мы в таком случае вообще отказываемся от заключения с ней военной конвенции и считаем предшествовавшие переговоры о территориальных приращениях потерявшими значение. Не упуская из виду основных соображений, изложенных в вышеупомянутой телеграмме моей, я считаю в данную минуту целесообразным предложение посланника нашего в Бухаресте ответить Братиано, что, принимая к сведению сделанные им предложения, мы можем однако подписать лишь такое соглашение, которым предусматривается выступление Румынии в ближайшем времени и — притом — в точно определенный срок. Вышеизложенное благоволило бы сообщить начальнику штаба, прося его телеграфировать свое заключение.

Сазонов.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

28 июня (11 июля) 1916 г., № 428.

Братиано принял меня сегодня в присутствии Диаманди, который заявил, что вами поручено ему побудить Братиано на заключение военной конвенции по образцу англо-французской, при чем выступление Румынии должно состояться при наступлении известных обстоятельств, предусмотренных соглашением между нашим и румынским штабами, на что Братиано сейчас же заметил, что он вполне готов заключить подобное соглашение. Не имея еще права официально пользоваться указаниями вашего высокопревосходительства, я все же не преминул заявить, что события быстро развиваются на нашем и на западном фронтах и что я имею уже основания предполагать, что мы желали бы заключения с Румынией военной конвенции, в коей был бы указан близкий срок для ее выступления; Диаманди несколько обиделся по поводу такого подрыва его миссии; Братиано отнесся довольно спокойно как к моему заявлению, так и к дальнейшему замечанию о том, что ныне уже нет нам надобности, в виду изменившейся военной обстановки на Балканах, посылать крупные военные силы в Добруджу. Он сказал, что если бы он хотел затягивать выступление Румынии, то он мог бы заявить, что мои замечания изменяют (*пропуск*) условия, на которые мы сами раньше согласились, но что он не желает безопасного «триумфального шествия румынских войск в Трансильванию», а потому он постарается изучить новые гипотезы и, в особенности, сговориться с генералом Жоффром, дабы компенсировать уменьшение численности наших войск в Добрудже наступлением союзной армии из Салоник. В дальнейшем разговоре Братиано отрицал приписываемое ему французским посланником заявление, будто приход на границу Румынии первого поезда с военными припасами явится как бы сигналом для мобилизации румынской армии. Он объявил при этом, что для последней особенно важны не грузы с пароходов «Мельбурна» и «Быстрицы», которая уже находится на пути в Архангельск, и не приход сюда первого поезда с военными припасами, а вообще налажение этого дела и обязательство со стороны Франции и России поставлять и доставлять в будущем эти припасы в Румынию. При других обстоятельствах это замечание Братиано можно было бы принять за увертку, но я считаю долгом донести вашему выс.-пр-ству, что во время всего разговора Братиано произвел впечатление человека, понявшего, что нельзя уже теперь оттягивать выступление Румынии, при чем он был гораздо более решительным во всех своих заявлениях. Во время разговора у Братиано вырвалось также замечание, что румынское правительство предполагает объявить войну лишь Австрии и Болгарии, при чем Диаманди шепнул мне на ухо, что ему уже поручено выработать текст объявления войны.

Поклевский.

128.

Секретная телеграмма министра иностранных дел послан в Париже, Лондоне и Риме.

30 июня (13 июля) 1916 г., № 3067.

В виду того, что французское, английское и итальянское правительства не имеют, повидимому, возражений против предложенных нами оснований возможного соглашения с Румынией, было бы весьма желательно в целях устранения излишних промедлений в выработке проекта означенного соглашения, чтобы по второстепенным вопросам не было задержки. Мы полагаем бы поэтому целесообразным, чтобы означенные правительства поручили своим представителям в Бухаресте на месте по взаимному соглашению все второстепенные вопросы. Благоволите просить правительство, при коем вы аккредитованы, снабдить непосредственно своего представителя в Бухаресте соответствующими указаниями и одновременно поставить нас о таковых в известность.

С а з о н о в.

129.

Секретная телеграмма директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Ставка 14 (27) июля 1916 г., № 868.

Татаринов передал по телеграфу предложенный румынами проект военной конвенции. К подписанию его предположено привлечь Англию, Францию и Италию. Сроком выступления Румынии назначается 1 августа нашего стиля. Проект предусматривает энергичное наступление из Салоник не менее, как за десять дней до выступления. Он заключает ряд второстепенных условий, выгодных для Румынии. Проект высылаю с курьером сегодня. Он будет рассмотрен сегодня и завтра утром доложен его величеству для окончательного решения вопроса.

Б а з и л и.

130.

Секретная телеграмма директора дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего.

Ставка, 15 (28) июля 1916 г., № 865.

Предложенный румынами проект военной конвенции признается генералом Алексеевым неприемлемым, по соображениям, изложенным (*пропуск*) телеграмме его полковнику Татаринову. В частности недостаточно ясно сформулировано условие о сроке выступления. Условие это редактировано следующим образом: Румыния обязуется напасть

на Австро-Венгрию, мобилизуя все свои сухопутные и морские силы, не позднее 1 (14) августа.

Таким образом, лишь наличие запятой позволяет отнести срок 1 августа к выступлению, а не к мобилизации. Для устранения недоумения по сему предмету посылается телеграфный запрос полковнику Татаринovu. По вопросу о наступлении Салоникской армии затруднения отпадают: румынский проект требует начатия этого наступления за 10 дней до выступления Румынии; подписанным ныне в Париже протоколом союзники согласились наступать со стороны Салоник за неделю до выступления. Осведомившись о том, что румыны сделали, по содержанию дипломатического предложения, контрпредложения, сильно расходящиеся с нашим текстом, начальник штаба отмечает необходимость не уступать как в отношении обязанности Румынии самой завоевать территорию, которая ей будет предоставлена после войны, так и в том отношении, что, в случае отказа ее выступить до 1 августа—все наши обещания отпадают. По этому поводу генерал Алексеев высказал следующие соображения. Перед выступлением Италии военное положение было тяжелым, и нужно было согласиться на все ее требования, в частности, на неопределенную форму о гарантии ее территориальных приобретений. Иначе дело теперь, когда силы противника значительно более истощены. Затем румыны не могут особенно долго откладывать свое выступление, так как с ноября операции в Карпатах становятся затруднительными.

Б а з и л и.

131.

Секретная телеграмма посла в Париже.

19 июля (1 августа) 1916 г., № 550.

Я мог удостовериться, что французское правительство крайне обеспокоено оборотом переговоров в Бухаресте и считает, что мы проявляем излишнюю неуступчивость по указанным в моей телеграмме № 545¹⁾ двум пунктам, которым не придают здесь большого практического значения. Здесь убеждены, что выступление Румынии сократит войну на несколько месяцев, и окончательный неуспех сказанных переговоров произведет крайне тяжелое впечатление на французское общественное мнение, которое не преминет возложить ответственность за него на нас.

И з в о л ь с к и й.

132.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

23 июля (5 августа) 1916 г., № 486.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Братиано выехал в деревню до вечера 25 июля, так что возобновить переговоры о политическом соглашении можно будет лишь

¹⁾ В этой телеграмме Извольский передает пожелание французского правительства обнаружить уступчивость по отношению к притязаниям Румынии, но вместе с тем потребовать от нее выступления против центральных держав.

с 26 июля. По имеющимся у меня сведениям, в здешних правительственных кругах подозревают, что императорское правительство отнеслось непримиримо к румынским требованиям, и объясняет проволочку в переговорах стараниями наших союзников привести нас к более примирительному образу действий по отношению к Румынии. Считаю долгом довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства, так как, судя по прошлогоднему примеру, я убежден, что при дальнейших переговорах наших с румынским правительством для последнего не останется тайной, что наши союзники являются защитниками румынских требований в Петрограде, а потому заслуга за дальнейшие наши уступки, которые, как я опасаясь, нам придется сделать, если мы действительно желаем немедленного выступления Румынии, будет здесь приписана давлению на нас наших союзников.

Поклевский.

133.

**Секретная телеграмма министра иностранных дел послан в Париже,
Лондоне и Риме.**

26 июля (8 августа) 1916 г., № 3407.

№ 1.

Сообщается в Бухарест.

Сводя к одному результаты обмена мнений по поводу заключения с Румынией политического соглашения и принимая во внимание уже сделанные нами и союзниками уступки, полагаю, что окончательный текст соглашения мог бы быть предложен для подписания Румынии в редакции, проект коей заключается в телеграмме № 2, и в котором мы старались идти навстречу румынским пожеланиям.

Считаю необходимым настаивать на подписании военной и политической конвенций к 1 августу с тем, чтобы определенный день выступления был точно обозначен в военной конвенции, по возможности, не позже недели. В случае же уклонения от этого Румынии она лишается права рассчитывать на получение впоследствии тех материальных и политических выгод, которые в настоящее время ей предлагаются державами, о чем следует теперь же предупредить Братиано и осведомить общественное мнение и оппозицию.

Благоволите просить правительство, при коем вы аккредитованы, дать посланникам в Бухаресте надлежащие инструкции.

Для посланника в Бухаресте.

По получении вашими коллегами соответствующих инструкций вам надлежит в согласии с ними предложить румынскому правительству для подписания проект политического соглашения и сделать указанное в настоящей телеграмме заявление.

Ш т ю р м е р.

**Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Лондоне,
Париже и Риме.**

26 июля (8 августа) 1916 г., № 3407.

№ 2.

Сообщено в Бухарест. Весьма срочно.

Русский посланник в Бухаресте уполномочен передать румынскому правительству следующий проект соглашения, имеющего быть заключенным между Россией, Великобританией, Францией и Италией, с одной стороны, и Румынией—с другой.

1. Великобритания, Франция, Италия и Россия гарантируют неприкосновенность территории румынского королевства на всем протяжении ее теперешних границ.

2. Румыния принимает на себя обязательство, при условиях, предусмотренных военным соглашением, объявить войну Австро-Венгрии и напасть на нее; Румыния равно обязуется прервать со всеми врагами союзников как дипломатические, так и экономические сношения, а также прекратить и торговый обмен с ними.

3. Великобритания, Франция, Италия и Россия признают за Румынией право присоединения территорий Австро-Венгерской империи в границах, указанных параграфом 4.

4. Границы территорий, перечисленных в предыдущем параграфе, определяются следующим образом:

Пограничная линия начнется с Прута, с нынешней границы между Россией и Румынией, около Новоселицы, и поднимется по этой реке до границы Галиции и Буковины, до слияния Прута и Черемош. Затем она пойдет по границе Галиции и Буковины и по границе Галиции и Венгрии до Стога 1655. Отсюда она пойдет по линии водораздела между Тиссой и Визо до места соединения Тиссы с Визо. Линия границы на протяжении от Стога до слияния Тиссы и Визо будет окончательно установлена позднее смешанной русско-румынской комиссией, которая примет во внимание экономические интересы местного населения. Начиная с этого пункта, она спустится по течению Тиссы до слияния Тиссы и Самеш и пойдет далее в четырех километрах к северу от указанного слияния с присоединением к Румынии деревни Вазарос-Намени в юго-западном направлении до места, находящегося в шести километрах вправо от города Дебречина. Отсюда она пойдет в том же направлении, минуя на расстоянии 3 километров к западу слияние Грикс, а затем пойдет к югу и, обогнув деревню Бекешамсон на 3 километра к западу, соединится с Тисса на высоте деревни Альджио (N N Сегедин). Отсюда граница спустится по Тиссы до ее впадения в Дунай и затем пойдет по течению Дуная до границы Румынии.

Румыния обязуется не возводить укреплений против Белграда, в зоне, подлежащей последующему определению, и не иметь в этой зоне иных сил, кроме необходимых для несения полицейской службы.

Румынское королевское правительство обязуется возместить расходы тем сербам из области Банат, которые в течение двух лет со времени заключения мира захотели бы покинуть свои участки с тем, чтобы эмигрировать.

5. Великобритания, Франция, Италия и Россия, с одной стороны, и Румыния—с другой, обязуются не заключать сепаратного мира как с Австро-Венгрией, так и со всякой иной враждебной державой, которой Румыния объявила бы войну, до тех пор, пока указанные параграфом 4 и занятые союзниками или Румынией территории не будут присоединены к последней; что касается прочих территорий, упоминаемых тем же параграфом, названные державы гарантируют Румынии их присоединение к ней, поскольку это окажется возможным в связи с общим положением после войны.

6. Румыния будет пользоваться правами наравне с союзниками.

7. Договаривающиеся державы обязуются хранить настоящее соглашение в тайне впредь до заключения общего мира.

Ш т ю р м е р.

135.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

27 июля (9 августа) 1916 г., № 493.

Получил вашу телеграмму № 3407.

Здесь представители держав Согласия, ознакомленные мною с изложенными в вышеупомянутой телеграмме инструкциями вашего высокопревосходительства, заявили, что общий смысл получаемых ими указаний позволяет им не только поддержать перед Братиано предлагаемый ныне нами текст политического соглашения, но даже его подписать. Вследствие этого я, с согласия моих коллег, сообщил сегодня, 27 июля, Братиано этот текст, придав ему согласно указанию вашего высокопревосходительства окончательный характер. Прочитав переданный мною меморандум, Братиано сразу пришел в угнетенное настроение и заявил, что пункт 5 нашего проекта не дает ему надежды на полное осуществление румынских территориальных вожделений, из-за которых Румыния готова начать войну. Ему мерещится, что вслед за выступлением Румынии Венгрия попросит мира, и союзники, в общих интересах войны, пойдут на такой мир, предоставив Румынии лишь крохи от тех территорий, которые она желает присоединить. В своих дальнейших изложениях Братиано уже видит полное крушение столь давно подготовляемого им плана и выразил намерение подать в отставку и совершенно удалиться от политики. Выразив надежду на то, что Братиано будет рекомендовать королю себе в преемники Филиппеско, я всеми силами обрушился на него за выказываемое им по отношению к будущим союзникам Румынии недоверие, указав, что самый текст пункта 5 нашего проекта исключает всякую возможность сепаратного мира с Венгрией и что весь смысл нашей оговорки относительно тех территорий, которые будут в момент заключения мира заняты союзными или румынскими войсками, сводится к тому, чтобы поставить Румынию в совершенно одинаковые условия с союзниками, но, конечно, не в лучшие, на что он не имеет права рассчитывать. Эти доводы произвели некоторое впечатление на Братиано, но едва ли рассеяли все его опасения. Не касаясь других пунктов нашего проекта, он обещал внимательно изучить последний и дать окончательный ответ завтра или послезавтра.

П о к л е в с к и й.

136.

**Секретная телеграмма министра иностранных дел послам в Париже,
Лондоне и Риме.**

31 июля (13 августа) 1916 г., № 3513.

Нашему посланнику в Бухаресте дается предписание, одновременно с заключением военной конвенции, немедленно подписать совместно с союзными представителями и румынским правительством политическую конвенцию в последней румынской редакции, предложенной Братиано.

Благоволите довести об этом до сведения министра иностранных дел для снабжения представителей в Бухаресте соответственными инструкциями. Вместе с сим императорское правительство уверено, что огромные уступки и жертвы, которые оно сделало для успеха общего дела, вследствие настояний своих союзников, будут приняты в должное внимание и что в случае необходимости толкования в будущем некоторых не совсем ясных обязательств, устанавливаемых текстом конвенции, союзные правительства не откажутся поддерживать точку зрения России. Желательно получить подтверждение этого от правительства, при котором вы аккредитованы.

Ш т ю р м е р.

137.

Русско-Румынская военная конвенция 1916 г. ¹⁾

Нижеподписавшиеся: 1) русский военный агент в Румынии полковник А. Татаринов, 2) французский военный агент в Бухаресте, А. М. Ф. М. Дебре, 3) С. Б. Томсон, великобританский военный агент в Бухаресте и 4) итальянский военный агент в Бухаресте подполковник Фериго, особо уполномоченные верховными командованиями их армий, с одной стороны, и его превосходительство председатель совета министров, военный министр румынского королевства г. Иван Ж. О. Братиано, с другой стороны, договорились о нижеследующем:

Статья 1.

В дополнение к договору о союзе, заключенному 4 (17) августа 1916 г. между Россией, Францией, Великобританией, Италией и Румынией, Румыния обязуется, мобилизовав все свои сухопутные и морские силы, напасть на Австро-Венгрию не позже 15 (28) августа 1916 г. (через 8 дней после Салоникского наступления). Наступательные действия румынской армии начнутся в самый день объявления войны.

Статья 2.

С момента подписания настоящей конвенции и в течение мобилизации и сосредоточения румынской армии, русская армия обязуется

¹⁾ Текст конвенции напечатан в «Сборнике секретных документов из архива б. М. И. Д.» № 3, изд. 1917 г.

действовать самым энергичным образом на всем австрийском фронте с целью обеспечить вышеупомянутые румынские операции. Эти действия будут специально наступательными и сильными в Буковине, где русские войска должны будут по крайней мере удерживать свои позиции, а также сохранять свою теперешнюю численность.

Начиная с 12 (25) августа 1916 г., российский флот должен будет обеспечивать безопасность Констанцского порта, препятствовать всякой высадке неприятельских войск на румынских берегах и всякому проникновению в Дунай выше устья этой реки.

Со своей стороны, Румыния признает за российским черноморским флотом право пользования Констанцским военным портом, а также право принимать необходимые меры против подводного неприятельского флота.

Российские военные суда, которые будут пользоваться Дунаем как для защиты берегов, так и для оказания содействия румынской армии и флоту, будут находиться под начальством верховного командования румынских армий и действовать на этой реке совместно с эскадрой румынских мониторов. Подробности этих совместных действий будут установлены согласно статьям настоящей конвенции.

Статья 3.

Россия обязуется послать во время мобилизации румынской армии в Добруджу две пехотные дивизии и одну кавалерийскую для совместных действий с румынской армией против болгарской армии.

Союзники обязуются начать решительное наступление салоникских армий, по крайней мере, за восемь дней до начала Румынией военных действий, дабы облегчить мобилизацию и сосредоточение всех румынских военных сил. Это наступление начнется 7 (20) августа 1916 г.

Если бы в течение военных операций союзные державы по соглашению подлежащих генеральных штабов признали нужным увеличить контингенты своих войск, действующих совместно с румынской армией, то это увеличение сил ни в чем не изменит постановлений заключенных конвенций.

Статья 4.

Россия, Франция, Великобритания и Италия обязуются снабжать Румынию военными припасами и материалами, которые будут перевозиться румынскими и союзными судами и проходить транзитом через Россию.

Эти доставки и перевозки должны будут производиться с расчетом обеспечить возможно непрерывное поступление в Румынию по меньшей мере 300 тонн в день, по среднему расчету за месяц перевозок.

В случае, если бы у союзников появились новые пути, которые облегчат провоз военных припасов, Румыния будет иметь право ими пользоваться.

Статья 5.

Союзники равным образом обязуются доставлять Румынии, в пределах возможного, лошадей, медикаменты, продовольствие и предметы снаряжения, о коих бы она просила, в том количестве и тех категорий, которые будут установлены с общего согласия.

*

Статья 6.

Союзники предоставляют в распоряжение Румынии технический персонал, необходимый для изготовления в стране военных припасов и материалов.

Статья 7.

По заключении настоящей конвенции, генеральные штабы русско-румынских армий, а равно и генеральный штаб салоникских армий, условятся относительно образа их совместных действий.

Согласование военных операций русско-румынских армий или всякое изменение, разъяснение и дополнение для поддержания постоянной связи будет устанавливаться подлежащей главной квартирой, как о том будет указано ниже.

Статья 8.

Совместные действия союзных армий не предполагают подчинения одной договаривающейся стороны другой; они имеют в виду только свободное принятие распоряжений или изменений, вытекающих из общего положения, из потребностей, вызываемых преследуемой целью, и из братства по оружию.

Статья 9.

В принципе королевские румынские и императорские российские войска будут сохранять свое собственное командование, свою отдельную оперативную зону и полную независимость в ведении операций. Демаркационная линия между двумя армиями пройдет от Дорны-Ватры, по Быстрице и долинам рек Шайо и Самеш к Дебречину. Румынские действия будут иметь главной целью, поскольку это позволит военная обстановка к югу от Дуная, движение через Трансильванию на Будапешт.

Русские войска, предусматриваемые статьей 3 и предназначенные для совместных действий с румынской армией, будут находиться под начальством верховной команды румынской армии.

В случае, если бы контингент русских войск, действующих к югу от Дуная, был значительно увеличен, притом на столько, что он оказался бы по численности равным или большим, чем румынские войска, с которыми он будет совместно действовать, то такой контингент может образовать, по выходе из румынской территории, независимую армию, которая будет подчинена русскому верховному командованию. В таком случае эта армия, действующая вне румынской территории, должна будет иметь отдельную оперативную зону и будет управляться согласно распоряжениям верховного русского командования, вполне сообразуясь с планами обеих главных квартир, на основаниях, установленных выше.

Если бы в виду преследуемой цели имели место военные операции совместными русско-румынскими силами, командование этими силами будет определено соответствующей оперативной зоной. Все приказы и распоряжения относительно ведения этих операций будут составлены на русском и румынском языках.

Статья 10.

В принципе на национальную территорию так же как и на территорию, занятую армией одной из договаривающихся сторон, армии другой договаривающейся стороны могут вступать только в том случае, если того потребуют общий интерес и общая цель и по предварительном и письменном согласии в каждом отдельном случае.

Статья 11.

Каждый раз, когда в течение операций союзные армии были бы вынуждены пользоваться одной или несколькими железными дорогами на территории союзного государства для перевозки войск, припасов и военного снабжения, такое пользование будет устанавливаться в каждом отдельном случае делегатами союзных главных квартир.

Управление, организация подвоза и снабжения местными средствами во всех случаях будут лежать на обязанности территориальных властей.

Статья 12.

Пленные, военная добыча и трофеи, взятые одной из армий, будут принадлежать этой армии.

Военная добыча, взятая в совместных боях и на том же самом поле битвы, будет распределена пропорционально численности войск, принимавших участие в этих боях. Однако, для облегчения снабжения румынской армии императорское российское командование уступит ей военный материал и припасы из этой смешанной военной добычи, в которых она будет настоятельно нуждаться.

Статья 13.

Для согласования действий румынской, русской и союзных армий и для более верного достижения военных целей в главных квартирах русской и союзных армий, во время открытия Румынией военных действий, должен находиться представитель румынской армии, которому, в случае необходимости, будет придано в помощь известное количество офицеров. Равным образом представители русской и союзных армий и их помощники должны находиться в главной квартире румынской армии.

Главные квартиры совместно действующих армий должны взаимно и своевременно обмениваться сведениями о военной обстановке, распределении сил и ходе операций.

Статья 14.

Если бы в течение операций возникли обстоятельства, требующие принятия новых мер и возбуждающие вопросы, не предвиденные в настоящей конвенции, то все такие вопросы будут обсуждаться в каждой главной квартире с делегатом союзной армии и будут окончательно решаться только по соглашению главнокомандующих.

Статья 15.

Дабы иметь возможность принять подготовительные меры для начала операций, договаривающиеся стороны должны стовориться относительно плана военных действий до открытия румынской армией военных действий.

Статья 16.

Вопрос о перемириях будет решаться с общего согласия верховными командованиями совместно действующих армий.

Статья 17.

Настоящая конвенция остается в силе со времени ее подписания до заключения общего мира.

Учинено в пяти экземплярах в Бухаресте, 4 (17) августа 1916 г.
(подписано:)

Русский военный агент полковник Т а т а р и н о в.
Французский военный агент М. Д е п р е.
Великобританский военный агент Т о м с о н.
Итальянский военный агент Л. Г. Ф е р и г о.
Председатель совета министров,
военный министр Румынии И в а н Б р а т и а н о.

138.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

Унгени, 5 (18) августа 1916 г., № 505.

Сегодня, 4-го августа, в 11 с половиною часов утра, состоялось подписание политического соглашения и военной конвенции, на основании коих наступление салоникской армии должно начаться 7-го августа, и крайним сроком для выступления Румынии назначено 15-е августа. Подписание состоялось, во избежание огласки, в доме Винтила Братиано, куда я отправился со всеми, уже подписанными посланниками и военными агентами держав Согласия, экземплярами соглашения и военной конвенции и где меня ожидали Братиано, его брат Винтила, министр народного просвещения Дука и румынский посланник в Петрограде Диаманди. После совместной считки привезенных мною документов и подписания их Братиано, последний сделал в прочувствованных выражениях заявление о том, что он придает сделанному им шагу огромное значение не только потому, что он надеется при его посредстве осуществить румынский национальный идеал, но и от того, что заключенный между Россией и Румынией союз открывает для этих государств новую эру дружбы и доверия, в коей он видит лучший залог для будущего преуспеяния его родины.

Братиано затем особенно просил, чтобы лишь одна из союзных миссий телеграфировала из Бухареста о подписании соглашения и конвенции, так как он боится, что посылка всеми миссиями однородных

телеграмм об этом возбудит подозрение наших врагов и, быть - может, облегчит им попытки расшифровать наши телеграммы. Принимая во внимание, что салоницкая армия должна быть немедленно уведомлена о дне подписания соглашения и конвенции, мы решили, что о последнем будет телеграфировать отсюда по беспроволочному телеграфу лишь французский посланник, остальные же посланники пошлют свои телеграммы из Унген, куда я посылаю специальным курьером одного из чинов миссии.

Поклевский.

139.

Секретная телеграмма посланника в Бухаресте.

15 (28) августа 1916 г., № 550.

По имеющимся у меня достоверным сведениям, коронный совет оказался простою формальностью. Король открыл заседание заявлением, что по многим причинам Румыния не может более оставаться нейтральной, что его правительство обязалось выступить на стороне Четверного Соглашения и что он сам вполне одобряет политику своего правительства, при чем он считает свое решение тем более верным и соответствующим интересам Румынии, что для принятия его ему пришлось, так сказать, победить себя самого. Затем Братиано обрисовал чрезвычайно талантливо политику Румынии. Он объяснил, что с 1913 г. обнаружилось полное противоречие в балканской политике Австрии и Румынии. Теперь также вполне ясно, что, несмотря на все усилия императоров Вильгельма и Франца-Иосифа, Венгрия ни за что не допустит никакого улучшения в положении обитающего на ее территории румынского населения, и, наконец, с отпадением Италии от Тройственного Союза, этот союз едва ли стал бы обязательным для Румынии, которая согласилась примкнуть в свое время к центральным империям лишь под условием, чтобы к этому союзу государств примешалась латинская кровь в лице третьей союзницы, Италии. По словам Братиано, Румыния не могла выступить на стороне держав в самом начале европейской войны по известным уже условиям и от того, что в это время лучшие румынские генералы верили в конечную победу Германии. Теперь, когда усилиями союзников такая победа сделалась сомнительной, он заключил с державами Соглашения договор о выступлении Румынии против Австрии и о границах будущей Великой Румынии. Он считает, что с момента заключения последнего договора, вопрос о Великой Румынии вышел из области этнографической и стал вопросом политическим и все равно должен осуществиться в будущем, если даже теперь Румынию постигнет неудача. Он закончил свою речь указанием на Михаила Храброго, ставшего самым великим героем Румынии, потому что он в свое время перешел Карпаты. Братиано советует королю Фердинанду последовать этому примеру в полной уверенности, что этот совет соответствует интересам короля, династии и Румынии. В случае неудачи, король Фердинанд все же останется за свою политику самым великим королем Румынии, и Братиано берет за такую политику всю ответственность на себя. Карп возразил Братиано, развивая свои известные руссофобские теории.

Между прочим, к ужасу всех присутствующих, он произнес следующую фразу: «Вы спрашиваете моего совета, я вам говорю, что вы делаете ошибку. Вы просите моего содействия, я вам даю трех моих сыновей, но я вместе с Австрией желаю поражения союзников и румынской армии». Возражение Майореско сводится к тому, что страна не желает войны и что Трансильвания не сочувствует присоединению к Румынии, Маргиломан же находил, что Румыния должна еще продолжить свой нейтралитет и во всяком случае не помогать России завладеть Константинополем. Король возразил на это, что румынским интересам больше соответствует иметь в Константинополе дружескую, нежели враждебную Румынии Россию. Вообще, король вел себя с необыкновенным достоинством и твердостью, лично очень удачно отвечая на все возражения против политики Братиано. В политических кругах поведение и короля и Братиано на коронном совете вызвало всеобщий восторг, который разделяется, между прочим, и Филиппеско и Таке-Ионеско. Совет окончился призывом короля к единению и к оказанию правительству содействия в предстоящей Румынии трудной задаче.

Поклевский.

140.

**Секретная телеграмма первого секретаря дипломатической канцелярии
при штабе верховного главнокомандующего.**

15 (28) августа 1916 г., № 952.

Начальник штаба Одесского военного округа телеграфирует от сего числа: По сведениям пограничной стражи, в 10 часов 30 минут 15 августа в Румынии объявлена общая мобилизация.

Валуев.